

A movie poster for the film 'S-T-I-K-S'. The background is a dark, smoky, and hazy environment. In the foreground, a man and a woman are shown in military attire. The man, on the left, has a beard and a mohawk hairstyle, with black markings on his face. He is wearing a green t-shirt and a dark tactical vest, and is holding a black assault rifle. The woman, on the right, has long dark hair and a serious expression, with a small mark on her cheek. She is wearing a dark sleeveless top and a tactical vest. The overall mood is gritty and action-oriented.

S-T-I-K-S

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ПРОЙТИ

ЧЕРЕЗ ТУМАН N

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

Алексей Елисеев
S-T-I-K-S. Пройти
через туман IV
Серия «S-T-I-K-S. Пройти
через туман», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70113190
SelfPub; 2023*

Аннотация

Орк – это я и моя история продолжается. Однажды я прошёл через странный туман с химическим запахом, больше моя жизнь не была прежней. Ведь попал я не куда-нибудь, а в Улей. А самые мрачные места в Улье – фермы внешников и муров. На одну из таких я и попал. Если в родном мире я старался не брать на себя слишком много ответственность, то сейчас много чужих судеб завит от моих решений. Всё, что я раньше считал проблемами, теперь для меня почти не имеет значения. Сейчас главное – вернуть себе свободу...—Эта книга и цикл сюжетно связаны с циклами: "S-T-I-K-S. Богиня Смерти" и "S-T-I-K-S. Шпилька".

Содержание

01. Треблинка всё	4
02. Гамлет	11
03. Бунт	17
04. Выбор	24
05. Корабль	31
06. Капитан	38
07. Вербовка	45
08. Нодий	52
09. Засада	59
10. Бой	66
11. Дальнейший путь	73
12. Алюриик	80
13. Зубр	87
14. Топтун	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. Пройти через туман IV

01. Треблинка всё

Вокруг царил форменный бардак и беспредел. Это было отлично видно с места, которое я решил сделать наблюдательной точкой. Часа в три ночи меня и всех соседей по бараку разбудил грохот канонады. Оконные стёкла брызнули внутрь нашего барака как шрапнель. Мы вчетвером встретились на полу под нарами.

– Что происхо... – спросил меня Штык, привыкший, что у меня есть ответы на большинство его вопросов, но его слова заглушил ещё один взрыв. Начали долбить автоматические пушки. Я ослабился прямо ему в лицо.

– Что-что? Война!

Быстро выбравшись на крышу, я осмотрелся кругом. По ферме муров от души лупила артиллерия. Звуки прилётов арты ни с чем не спутаю – во время сражения за Балтийский слишком долго мы сидели по подвалам, пока город ровняли с землёй орудия основного калибра...

Вот оно что! Картинка перед глазами стала обретать яс-

ность. Работают с моря. Какой-то корабль издалека от души закидывает чемоданами тяжёлых боеприпасов административный район фермы, заставляя муров искать укрытия. наших тюремщиков застали со спущенными штанами. Это было хорошо заметно, как они метались в панике под обстрелом.

Да, ребятаки... Отражать внезапное ночное нападение это совсем не то же самое, что сторожить концентрационный лагерь с ничего не понимающими, напуганными свежаками.

Несколько крупнокалиберных пулемётов с вышек работали по невидимым воздушным целям. Так как неслышно было двигателей авиации, я сделал вывод, что они пытаются сбить беспилотники, корректирующие огонь корабля или кораблей.

– Что происходит? – услышал я вопрос Медведя.

Он всё ещё говорил с сильным акцентом, но понять его уже было можно – ежедневное общение на русском языке сделало своё дело. Американец, знавший всего несколько слов нашего языка, мог уже весьма неплохо объясняться.

Я с удивлением обернулся и обалдел от вида всех троих моих соседей вслед за мной выбравшихся на крышу барака. Они напоминали троих стоящих столбиками возле норки суррикатов, поэтому я едва сдержал улыбку.

– Вот это вам на жизнь свою наложить огромную ароматную кучу! – восхитился я их поведению, – Залягте хотя бы.

Бахнуло совсем рядом, и над нашими головами просви-

стел крупный осколок.

– Египетская сила! – выругался Штык и ужом подполз ко мне, – Что тут?

С другой стороны подползли Медведь и Вождь.

– Смотрите, – показал я пальцем на горящий административный сектор лагеря, – Прилёты со стороны моря. Корабль какой-то отработывает.

– А пулемёты? – указал Медведь на трассирующие очереди в небе.

– Это они пытаются сбить БПЛ-а, – пояснил я, – Но сделать это ночью... Лупят в белый свет, как в копеечку.

– БПЛ-а? – сделал удивлённые глаза Медведь, – Куда? В копеечку?

Пока я разглядывал, что твориться вокруг, Штык объяснял Медведю тонкости русского языка. Вождь уловил главное из того, что происходило в царящем вокруг нас хаосе – двух бегущих бойцов. По взгляду индейца я понял его план и кивнул. Молчаливый и обстоятельный охотник очень мне нравился своей решительностью и собранностью в критических моментах. Он не суетился и не показывал страх, а просто в нужный момент прыгнул на пробежавших мимо муров. Я последовал его примеру.

Упитанный, но не растерявший былой ловкости Вождь атаковал замыкающего беглеца. Пока первый оборачивался на шум, на него сверзился я. Под моими могучими лапами шея мура хрустнула, словно сухая ветка. Брошенный взгляд

показал, что Вождь в моей помощи не нуждается. Пустив в дело заточку из арматуры, он справился со своим противником с первого же удара. Ещё несколько он нанёс чисто для контроля. После того как получают десять сантиметров заточенной стали в висок, не живут даже иммунные, отличающиеся завидным здоровьем.

– Давайте их в барак, – прошипел Штык, спрыгнувший вслед за нами, – Нельзя им тут...

Парень отчаянно трусил. И это было понятно. Очень нелегко нормальному человеку перешагнуть через вбитые с детства гуманистические воззрения, через себя. Ведь, как пить дать, и ему с детства говорили, что людей не то что убивать, но и даже бить нехорошо. А тут внезапно пара трупов нарисовалась. Но помогать ему пройти путь от точки «А» до точки «Б» я не стал. Мужчина сам должен принимать решения, делать свой собственный выбор.

– Да, помоги мне, – ответил ему спокойно я, – Хватай этого за ноги.

Через минуту мы были уже внутри.

– Крестники, – начал я, – Это удачно попали на лагерь. Под шумок у нас есть возможность двинуть на волю при оружии.

Вождь сдержанно кивнул, застёгивая на себе разгрузку и прилаживая автомат на три точки крепления.

– Да, вы правы, – кивнул Медведь, – Нужно выбрать момент и прорваться. А если не получится, то прорваться.

Дольше всех колебался Штык. Ну и пусть его. Все местные реалии я успел рассказать своим крестникам. Все с головой, решения пусть принимают сами.

Я проверил автомат и почти не удивился, когда обнаружил, что это «Сайга» с кустарным бубном магазина под патрон 410 «Магнум». Не так давно у меня был замечательный карабин Симонова, но вот добравшись до стаба Зимний, нашёл цены на боеприпасы к СКС совершенно неприемлемыми. Один патрон промежуточного калибра стоил семь... Семь! Семь местных кредитов!!! Тогда как один патрон 410 «Магнум» уже обходился всего в один кредит. Если учесть, что один споран в Зимнем менялся на десять кредитов Банка Цитадели, то становилось понятно, что если рассекать с СКС и активно при этом охотиться, то такая охота может очень быстро поставить эдакого траппера на грань банкротства.

Я долго не мог взять в толк, почему цены такие, но всё оказалось очень просто. В Зимнем патроны 410 «Магнум» калибра уверенно производили без всяких ксеров. Местная фабрика имела несколько линий, выпускавших из пироксилинового пороха собственного изготовления несколько ходовых калибров. Если вся пятёрка и семёрка уходила на нужды местных военных, то одним из самых востребованных коммерческих калибров стал пулевой «Магнум» четыреста десятый, пользовавшийся неизменным успехом у рейдеров. Оружейных дел мастера в Зимнем подсуетились и наладили выпуск нескольких востребованных и простых в изготов-

лении стволов. Переделывались и производились в Зимнем несколько разновидностей огнестрельного оружия. А «Сайга» нужного калибра прилетала уже готовой, часто пристреленной для охотничьих нужд.

– Держи, – я передал Медведю массивную деревянную кобуру, – Это «Маузер-Сталкер». Автоматический пистолет под ружейный патрон.

– Выглядит не слишком надёжно, – с сомнением потянул оружие из кобуры он, – Похоже на какое-то старое оружие...

– Да, – кивком ответил ему я, – «Сталкер» – это не просто пистолет, а, настоящий, стрелковый комплекс. Все узлы производятся в стабе Зимний. Доводится под нужды стрелка за десять минут. В зависимости от обвеса, он может стать как компактным пистолетом-пулемётом, так и снайперским карабином или очень тихим пистолетом. У тебя разновидность тихого пистолета с интегрированным глушителем. Очень популярная в местных краях модификация.

Пистолет внешне очень напоминал революционный «Маузер», только в более грубом исполнении – мощный охотничий калибр диктовал свои условия. Совместными усилиями мы оснастили его прикладом.

– Мне бы тоже чем-нибудь вооружиться...

Это Штык окончил внутреннюю борьбу и определился с выбором стороны. Увы, огнестрельное оружие закончилось. Я молча протянул ему ухватистого вида клевец, сработанный из нескольких арматурин. Все здесь называли это ору-

жие просто «клюв». Незаменяемая штука, когда тебе нужно разобраться с низшими заражёнными, не прибегая к шумному огнестрелу.

– Чё эт? – скривился он, словно лимон проглотил.

– Через плечо, – ухмыльнулся я, – Клевец это.

– А чего им огнестрел, а мне клевец?

– Вождь и Медведь имеют навыки стрельбы, – сообщил я крестнику, – А ты из чего стрелял в своей жизни?

– Из ружья дедушкиного два раза...

Я ещё раз гадко ухмыльнулся, но в царящей внутри барака темноте вряд ли он увидел выражение моего лица. Слишком долго в большой семье щёлкать клювом не нужно, а если щёлкаешь, то щёлкай быстро.

02. Гамлет

Колебания Штыка можно было понять. Несмотря на то что на этой ферме свежаков жёстко ограничили в свободе, тут было всё уже понятно и привычно. Конечно, условия тут были далеки от санаторских, но более или менее жизнь наладилась, вошла в график и была ясна в целом.

Нас обеспечили жильём. Да, это были всего лишь единообразные лагерные бараки, сколоченные из вагонки самими заключёнными. Но они были хорошо утеплены, с крыши не капало, а если раскочегарить буржуйку и поплотней закрыть дверь, то и вовсе можно представить себя в Ташкенте.

Обстановка внутри бараков была далека от пятизвёздочного отеля, но каждый был обеспечен комфортабельными нарами. И с питанием в Треблинке было всё стабильно. Три раза в день на барак выделялась еда, иногда это был даже суп на косточке. И живуном заключённых обеспечивали тоже. Да, не сказать, что щедро, но литра в день на барак обычно хватало. А мало так, чтобы заключённые не могли сделать запас и смазать лыжи на волю.

Что не вызывало никаких вопросов, так это работа, которой нас обеспечили всех без исключения уже на следующий день после обязательного карантина. Работали заключённые каждый день, без отпусков, отгулов, прогулов и выходных, а ввиду отменного здоровья иммунных, и без больничных.

Трудовая повинность для мужчин включала в себя, как правило, работу на стройке, уборке и благоустройстве территории, уход за огромным количеством скотины.

И с женщинами тут общение было стабильным ввиду его полного отсутствия. После того как всех свежачков расписали по бригадам, мужчин и женщин разделили и расселили по баракам. Женщин поселили в одной части лагеря, а мужчин в другой. Больше мы никаких женщин не видели.

Если бы не обязательная ежедневная трудовая повинность и не еженедельная обязательная сдача по пол литра крови, то и вовсе можно было бы принять здешнее заведение за специфический курорт на берегу Белого моря. Если мне память не изменяла, то для здоровья безопасно сдавать кровь один раз в два месяца, но организм иммунных куда крепче и восстанавливается заметно быстрее, чем у обычных людей, даже у самых свежих из свежачков. Если ты попал в Улей, пережил заражение местными спорами и не обратился, можешь быть уверен – жизнь твоя теперь потенциально бесконечна, ты больше не подвержен воздействию земных вирусов и бактерий, потому как симбиотический вирус Улья не терпит конкурентов и будет защищать организм носителя ото всех иных болезней. В день забора крови узникам был положен санитарный день, который отводился для стирки и помывки. На следующее утро никто не выглядел обескровленным.

Но по-настоящему паскудным средством удержания

огромного количества людей в повиновении была здешняя пропаганда, лившаяся на нас из стенгазет, матюгальников, закреплённых на столбах, и радиоточек внутри барачных бараков. Но последнее было легко исправить, накинув фуфайку на динамик, тогда жизнерадостный поток бреда превращался в невнятное бормотание.

И как это и бывает, пропаганда состояла практически на сто процентов из правды. Ложью была лишь роль муров и внешников в Улье, а всё остальное, что касалось ужасов этого мира, было передано в подробностях и красках. Заключённым подробно рассказывалось о заражённых и их стадиях развития, атомитах, сектантах и серых инопланетных тварях. Однако старательно умалчивались способы борьбы с заражёнными и азы выживания на кластерах. Муры в пропаганде были не кем иным, как спасателями несчастных иммунных людей, злой судьбой закинутых в иной мир, а внешники – пытливыми и храбрыми учёными, проникшими в Улей с исследовательской миссией.

И особо не поспоришь с этим, ведь всех заключённых в трудовом лагере Треблинка-2 спасли от клыков заражённых именно пиковые. Да и внешники, как пить дать, изначально были просто учёными-исследователями, пока не открыли, что биохимия органов иммунных годится для фармакологии. И не просто для какого-нибудь там аспирина, а натурально для лекарств от неизлечимых болезней, эликсиров красоты, молодости, бессмертия и прочих панацей, чьи свой-

ства иначе как волшебными назвать язык не повернётся.

Обманутые свежаки радовались, как идиоты, когда их вызывали к КПП административного сектора лагеря. После этого их не видели. На следующий день интервью с узником, покинувшим трудовой лагерь, мы слышали по радиоточке. Освободившийся обязательно сообщал – с ним всё в полном порядке, и теперь он трудится, например, автомехаником, рассказывал, что его поселили в служебное жильё... Дальше следовало перечисление благ цивилизации, которых мы в лагере были лишены искусственно, и перспектив на будущее.

Однако правда состояла в том, что никого из «освободившихся» ни я, ни кто-либо из заключённых больше не видели. Как я подозревал, свежаки должны были просто дозреть до необходимой стадии, чтобы их было рентабельно разделить на органы. Нет, я не исключаю, что кто-то из треблинцев действительно стал муром или начал работать на них, но, видимо, участь большинства была незавидной.

Вот и походи объясни остальным заключённым после такой основательной промывки мозгов, что держат их тут не для того, чтобы, как уверяла пропаганда, «окрепнуть физически и отработать своё спасение», а на откорм, как ту скотину, за которой они ухаживают, чтобы потом загнать на бойню. Но это только мои слова против слов соловьём разливавшейся радиоточки. Вот и колебался Штык, когда пришёл момент.

Вождь и Медведь, которых хоть немного помотало по

Улью, совершенно, без сомнений, отнеслись к моим предупреждениям, тогда как в глазах Штыка всё чаще проскакивало недоверие. Вот и получается, что заключённых удерживали в плену не охранники и колючая проволока, и не пулемёты на вышках, а пропаганда.

Я большего бреда в своей жизни не слышал. Из радиоточек в бараках день и ночь лились потоки вранья, как администрация трудового лагеря и муры из отрядов снабжения не покладая рук, стремятся обеспечить свежаков всем необходимым. Утверждалось, что только благодаря этим усилиям, Треблинка остаётся единственным безопасным оазисом в мире, где можно жить. Поэтому каждый несчастный заключённый попаданец должен вносить посильный вклад. А то, что пулемёты с вышек могут стрелять как за забор, так и внутрь, так это... Это всё ради вашей же безопасности.

Да, здешняя охрана не лютовала, да и вообще выполняла чисто декоративные функции. Они не выпускали узников и следили за тем, чтобы мы вдруг не разбежались. Однако относились к тому, что происходит внутри, с определённой долей пофигизма – никаких обысков, построений, перекличек и прочей ерунды, осложняющей жизнь в местах лишения свободы тут не было. Был обязательный комендантский час и браслет с радиомаяком, заклёпанный у каждого на ноге. Собственно, это были все средства, ограничивающие свободу узников.

За эту расслабленность охрана сейчас платит собственны-

ми жизнями. Напавшие бьют без пощады и без перерывов на перекуры. Грохочут взрывы. Но когда-то они остановят обстрел, тогда нужно будет пойти и лично проконтролировать, чтобы никто вдруг не выжил в административном секторе.

– Куда мы сейчас? – спокойно спросил Вождь.

– Куда-куда? – раздухарился Штык, – На волю!

– Штык... Ты можешь куда угодно идти, а надо идти и зачистить администрацию, чтобы убедиться, что за нами не будет погони.

Штык выпучил на меня глаза, но сказать ничего не успел.

– Мы с вами, – ультимативно заявил резкий голос, – Чё топтаться? Пойдёмте.

– Сначала давай браслеты сниму, – ухмыльнулся я, – Я думал, что ты, Гамлет, и твои парни пойдёте в охрану лагеря.

Я узнал одного из обитателей соседнего барака. Синие татуировки положенца и кое-какие ухватки, да отношение окружающих выдавали его.

– Я по каторгам да лагерям в том мире мыкался, – усмехнулся Гамлет жёлтыми прокуренными зубами, – Не с руки мне новую жизнь в новом мире начинать подстилкой вертухаев...

03. Бунт

По пути к контрольно-пропускному пункту, преграждавшему дорогу в административную зону трудового лагеря, нам встретились ещё два автоматчика, которых ребята Гамлета молча приняли в ножи. Количество оружия в нашем стихийно возникшем отряде возросло. Пока мы дошли до КПП, наша группа обросла сторонниками и уже насчитывала более двухсот мужчин. Вооружённых кто чем. Кто прихватил топорик для рубки дров, кто палку с гвоздём, а кто заточку.

Оставалось только удивляться, что среди населения второй Треблинки нашлось такое количество недовольных текущим положением дел. У меня даже подозрения не возникало, что их столько. На руку играла также известность Гамлета. Тот был чем-то вроде рок-звезды. Если его не уважали, так побаивались, что тоже было странно, так как обычно уважают за дела, а положенец, насколько мне было известно, сам не работал и никого не бил и уж тем более не убил.

В этом случае его бы из лагеря извлекли и пустили на органы со стопроцентной вероятностью. Гамлет проживал в одном из соседних барачков, но словно существовал в параллельной реальности. Мы приветствовали друг-друга вежливыми кивками и расходились по своим делам. Однако размышлять о том, как этот человек на пустом месте оброс ува-

жением и столькими сторонниками, время было не подходящее. Я выбросил из головы лишние мысли и шагнул за угол на улицу, ведущую к КПП.

– Погоди, солдат, – остановил меня Гамлет, – Не пришло ещё время шуметь. Там четверо сидят по мирному времени. Если всем стадом под прожектор выйдем, посекут из пулемёта.

– Варианты? – спокойно спросил я.

– А смотри...

Он переглянулся с несколькими своими дружками, вышел на середину улицы, освещённой двумя прожекторами и бесстрашно пошёл по ней один. Приятели Гамлета сопровождали его, укрываясь за бараками.

На вопросительные взгляды троицы моих крестников я ответил тем, что поднёс палец к губам, призывая всех к тишине. Но это было излишним. Все вокруг и так застыли в угрожающем молчании.

– Начальник! – позвал Гамлет, не доходя метров пятьдесят, – А начальник? Что это за салют? Что нам-то делать? Когда оружие раздадите?

– Гамлет? Ты один? – узнал положенца мур, что был за офицера, – Чего тебе? Какое оружие?

– Конечно, один. Как какое, начальник? На наш лагерь напали злыдни какие-то, – продолжал гнать пургу уважаемый каторжанин, не дрогнув ни одним мускулом, – Вдруг атомитские? Поедят мою старую печень, для них, что ли, алкоголем

мариновал? Раздайте автоматы, тоже будем воевать.

План был прост как мычание. Пока один ломает комедию для охраны, шестеро других забрались на плоскую крышу кирпичного одноэтажного здания КПП. Ясно, что со стороны трудового лагеря металлическая дверь всегда закрыта. А со стороны административного сектора?

– Гамлет, возвращайся в барак! – ответил офицер, – Без вас справимся!

– Чё то не похоже, чтобы вы сейчас справлялись, начальник! – усмехнулся авторитет, – Ты доложи тем, кто старше. Может, у них другое мнение по нашему вопросу.

– Даже спрашивать не буд...

Ожидаемо мур закончил свою фразу хрипением.

– Бегом! – отдал я приказ, – Только тихо давайте, без криков «ура»...

Толпа заключённых сорвалась с места и через несколько секунд уже втягивалась в распахнутые двери контрольно-пропускного пункта.

– Куда дальше, солдат? – осведомился Гамлет, сноровисто натягивая на себя бронежилет, совмещённый с разгрузкой.

– Муры подняты по тревоге, – ответил я, – Большая часть из них направлена на периметр, но как пить дать кто-то здесь остался. Надо захватить казармы и склад с оружием...

– И радиорубку, – добавил Гамлет, – Вы вчетвером можете мне?

Я размышлял несколько секунд. Идея была простой и яс-

ной. Положенец хочет задействовать все доступные человеческие ресурсы, обратившись к заключённым и... Это правильно. Со стратегической точки зрения, но, как только администрация поймёт, где мы мутим воду, они бросят часть сил на радиорубку, чтобы заткнуть нас, и там станет жарко. Хотелось выругаться. Гамлет подписывал меня на очень опасное дело, но и ответить ему отказом после того, как он, не дрогнув, встал под прицелом пулемётов, было неправильным.

– Принято, – кивнул я, – Идём.

– Ты знаешь, где радиорубка? – с прищуром оценил меня собеседник.

Кивнул в ответ и показал на мачты связи.

– Казармы там, штаб там, склады, скорее всего, за казармами.

Гамлет хмыкнул в ответ и повернулся к одному из стоявших рядом бритых мускулистых парней.

– Махорка в штаб, Грива на склады, Бублик и Одноглазый, зачистите казармы, всё оружие пацанам раздайте, – Гамлет улыбнулся, – А я с солдатом в радиорубку.

Кроме авторитета и четверых моих крестников с нами отправились ещё двое: Шериф и Саня Челюсти. Что тот, что другой – бритые под ноль мордovorоты со складками на затылках. Странно, даже упитанный Вождь на местной малокалорийной баланде и физическом труде сбросил уже килограмм так с пятнадцать, а эти умудрились даже складки на

затылках сохранить.

Челюсти, завладевший на КПП пулемётом, пошёл вперёд к радиорубке. Как мы не торопились, не успели. Со стороны здания, которое я громко обозвал штабом, раздались крики и беспорядочная запыленная стрельба.

– Стой, кто идёт! – прилетел окрик от караульного.

– Да расслабься, – лениво, но уверенно ответил Челюсти, не снижая скорости, – Свои...

– Какие свои? Стой, стрелять буду!

Раздался выстрел. Часовой рухнул на спину и задёргал ногами. Почти без перерыва разбилось окно, осыпавшись звоном стеклянных осколков. Оттуда по нам хлестнула автоматная очередь. Мы попадали, я перекатился, укрывшись за невысоким газонным бордюром. И выстрелил на вскидку одиночным, ориентируясь по вспышкам. Ответом был только полубезумный смех, донёсшийся изнутри. Гамлет выругался.

– Как его выкурить оттуда? – задал он мне вопрос.

– Гранату закинуть, – ответил я, – Дальше врываться и мочить.

– Не вариант...

– Не вариант, – кивнул я, – Можем повредить оборудование.

Пока мы рассуждали, вперёд прополз Вождь. Он был уже у самой стены, около окна, из которого вели огонь.

– Слышь, бледно-синий?! – ехидно пообещал Гамлет, –

Зря вы нас без баб держали. Как войду – надругаюсь злостно...

– Ты! Самка собаки! – раздался запальчивый истеричный ответ, – Сюда иди! Посмотрим, кто кого!

Но выстрелов не последовало. Тень индейца метнулась в сторону стрелка. Вождь ухватил автомат за ствол и приложил стрелка об раму головой. Секундная борьба, и автоматчик был выброшен из окна на асфальтированный тротуар.

Хромая, к нему подскочил Челюсти и от души впечатал удар ногой под дых. Затем ещё и ещё.

– Порезвились, и хватит, – остановил избиение Гамлет, – Скажи, радист где?

Последний вопрос он задал ласково, присев над муром.

– Скажешь, отпущу...

– В... Радиорубке. В чулане...

– Спасибо. Оружие сдай, вон... Штыку хотя бы и проваливай...

Всё. Автоматчик его больше не интересовал, Гамлет пошёл внутрь радиорубки.

– Ты радист? – задал вопрос он.

Мы выбили дверь в какое-то подсобное помещение и лицезрели лежащего на полу плешивого мужичка в робе заключённого.

– Д... да...

– Слушай, – спокойно обратился к нему Гамлет, – Мы тебе плохого не сделаем, но ты заводи свою шарманку. Нам надо

сказать на весь лагерь кое-что.

Плешивый явно не поверил такому колоритному персонажу, поэтому вмешался я:

– На лагерь напали. Нам всем надо совершить побег. Более удобного шанса не будет. Ты знаешь, куда мы попали?

– В Улей? – неуверенно спросил радист.

– Да, – кивнул я в ответ, – Ты же в пропаганду гоняешь?

– Да...

– Сделай так, чтобы нас с Гамлетом услышал весь лагерь.

– Да...

– Сделай прямо сейчас. Очень нужно.

– Хорошо-хорошо...

Через несколько минут радист сообщил, что всё готово и показал на кресло перед профессиональным записывающим оборудованием. В кресле с удовольствием растянулся Гамлет, ухмыльнулся и, приблизив свои губы к микрофону, сказал:

– Вечер в хату, Треблинка. В радиорубке Гамлет, и мне есть что вам сообщить!

04. Выбор

Когда муры чухнули, что происходит что-то совсем уж из ряда вон, обстрел артиллерии уже прекратился. Однако чужие БПЛ-а никуда не делись, продолжая кружить над нами, словно стервятники. Вероятно, нападавшие разбирались, что тут у нас происходит, выбирая время, когда во всю эту катавасию стоит вмешаться.

Так-то я за взвешенный и осторожный подход, однако сейчас время играло сильно против нас.

Муры очухались и перегруппировались. Нападение на «штаб» они отбили, изрядно прореженная группа Махорки откатилась к радиорубке. Надо сказать, что это произошло вовремя. К небольшому кирпичному строению, где засели мы, приближались враги, понявшие, что из него вещаем мы и совсем не то, что им нужно.

Гамлет после того, как обозначил обстановку, сразу пригласил к микрофону меня и попросил рассказать всё то, что я знаю о мурах и внешниках. Для меня оставалось загадкой только то, откуда сам Гамлет это знал, но гадать долго не пришлось. Стоило мне поднять взгляд на Штыка, как пазл собрался. Он так забавно под моим тяжёлым взглядом прятал глаза, что над вопросом – где утечка, гадать не пришлось. Вот она, передо мной.

После того как я рассказал о том, что знаю, к микро-

фону подсел Медведь и отлично поставленным голосом по-английски перевёл всё то, что я поведал – приблизительно тридцать пять – сорок процентов местных сидельцев были англоговорящими. Да, в той или иной мере уже освоившими нашу речь, но так шанс, что наше сообщение поймут все, был выше. Уже под огнём наступающих Гамлет и Морзе закольцевали запись и поставили на постоянное повторение.

Поначалу нам пришлось очень туго, так как наступавшие зашли сразу с козырей и пару раз засадили в здание из РПГ, а потом принялись поливать его из крупнокалиберного пулемёта. Как хорошо, что из нас уже никого не было внутри. Морзе вытащил из радиорубки контуженого Гамлета и, в общем-то, на этом, можно сказать, наши потери и ограничились. Свет внутри помещения мигнул и погас. Увы, чуда не произошло. Осколками разворотило чуткую электронику. Вещание прекратилось.

Один из бойцов, стоявших рядом со мной, с чувством выматерился, я в ответ прислонил палец к губам, призывая всех хранить молчание. Только когда голоса и хруст стекла сообщили мне, что противники занимают здание, начал действовать.

Указал пальцем на крепыша Махорку и махнул рукой, показывая обойти здание справа, указал пальцем на мордороту Челюсти и махнул рукой, показывая обойти слева радиорубку, а сам перехватил автомат и аккуратно заглянул внутрь. В затянутом дымом помещении мелькало несколько

силуэтов, по которым я дал длинную очередь и ломанулся вперёд.

Не ожидавших яростной контратаки муров, выделенных в авангард, мы смяли за несколько минут и вооружились ещё лучше. Сложней всего было сдержать Махорку, рвавшего вернуться к штабу и отомстить за смерти товарищей. Вероятно, меня бы он и не послушал, но Челюсти отвёл его в сторонку и за минуту убедил остыть. О чём они говорили, осталось для меня загадкой, да мне и не было это интересно. Всех вмняемых я расставил в круговую оборону, для отражения второй атаки, не заставившей себя долго ждать.

Военная выучка заключённых оставляла желать лучшего, попросту сказать – была совсем никакой. Спасала только решимость, обусловленная желанием драться за свою свободу. И то, что муры сторожившие нас, не сильно отличались по своим навыкам от тех, кого охраняли. Зато были менее мотивированы и в значительной степени дезорганизованы. О причинах я догадался, когда взял гарнитуру связи у одного из убитых. Кластер накрыли глушилкой. Мы и наш противник оказались почти в равных условиях. Если бы собрать хотя бы с дюжину более или менее обученных крепких парней, можно было бы и атаковать. Предпринимать резкие движения сейчас было равносильно тому, чтобы расплатиться за них человеческими жизнями.

Хорошие новости начали приходить спустя пару часов вялых позиционных боёв. Во-первых, в себя пришли Гамлет

и Морзе. Неугомонный положенец мотивировал подзатыльником Морзе наладить связь и отправил к Гриве вестового по своим парням, собрать доклады.

Грива явился сам и сообщил, что Бублик погиб, но Одноглазый сейчас контролирует весь военный городок за исключением местного «штаба» да нескольких построек чисто бытового назначения, вроде бани, прачечной и котельной. Также сообщил, что удалось захватить целым БТР и пару пулемётных пикапов.

– РПГ на складе есть? – сухо спросил я, когда Грива закончил.

Тот посмотрел на Гамлета и после его кивка, ответил:

– Есть...

– Сколько?

Грива снова перевёл взгляд на авторитета, тот едва заметно снова кивнул.

– Несколько десятков РПГ точно есть, я не считал, выстрелов много...

– Нам нужно два РПГ сюда и пулемёт, – спокойно сообщил я, – А лучше бы подогнать БТР и прикопать его между казармами...

Грива снова посмотрел на Гамлета. Я не выдержал:

– Так, мужчины, – хлопнул я себя по колену открытой ладонью, – Если вы собираетесь продолжать играть в гляделки, то, пожалуй, я заберу своих крестников да буду уходить сам.

Повисло молчание на несколько секунд, а потом Грива

взорвался:

– Ты как со старшими разговариваешь?! – вскочил он с места.

Но вскочил недостаточно быстро. Моя лапа легла на его плечо и приземлила обратно на стул, где он сидел. Пришедший с Гривой боец схватился за «калаш», болтавшийся у него на шее, но обнаружил нож, приставленный к своему горлу индейцем.

В наступившей тишине щелчок снятого с предохранителя «Сталкера» Медведя прозвучал словно раскат грома.

– Вот... Давайте только без кипиша, – устало сказал Гамлет, – Грива, сел на место и успокоился. Ты...

Авторитет посмотрел на бойца с автоматом.

– Хватит уши греть. Покури пойдя. Орк, скажи пацанам своим расслабиться...

Я кивнул и сел напротив Гривы, буравящего меня взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Куда уходить, Орк? – спокойно спросил меня ссутулившийся Гамлет.

Вдруг стало видно, что он уже далеко не молод.

– Как куда? – не понял я, – На свободу.

– Свобода... Свобода для каждого что-то своё означает. Верно? – криво усмехнулся положенец, – Вот ты вышел из лагеря. Дальше-то куда?

– Своих искать, – не задумываясь, ответил я, – Жизнь устраивать.

– Вот и я хочу жизнь устраивать, – кивнул мне Гамлет, – Почему бы нам не взять этот лагерь себе?

– Я бы это обсудил после того, как мы отобьём лагерь, – прямо ответил я, – А сейчас бы вспомнил о том танке, что на въезде стоит. Если у нас не будет РПГ с кумулятивными выстрелами, до того, чтобы решать, что делать с победой, мы просто не доживём.

– Грива, отправь кого-нибудь за РПГ, – сказал Гамлет, – И пусть БТР тоже сюда подгонят.

Тот кивнул и вышел из комнаты.

– Точно не останешься? Мне бы не помешал крутой во-
яка, который сможет из этого стада сделать боеспособных солдат...

– Твоё предложение хорошее, но не могу я, Гамлет, – ответил я, – Мне нужно найти своих. Что потом, не знаю пока. Пропаганда не врала. Улей, может, и не бесконечен, но точно намного больше нашей Земли. Так что куда кривая вывезет – неизвестно. Может, и приму твоё предложение, но точно не сейчас.

Располагалась Треблинка в долине, зажатой с двух сторон покатыми, но высокими холмами. С третьей стороны имелась бухта с узким входом, формой напоминавшая бутылку, ну а с четвёртой стороны тянулась линия стационарных укреплений с противотанковыми рвами, надолбами, ежами, колючей проволокой, минными полями и несколькими линиями траншей.

Вот со стороны бухты и прилетели неожиданные и срочные новости. Принёс их парнишка, пригнавший БТР. Как оказалось, там маневрировал военный корабль. Не стовариваясь, мы все вместе запрыгнули в БТР и поехали взглянуть на это своими глазами.

Корабль обманчиво медленно проходил вход в бухту. Я его узнал сразу, с первого взгляда. Тот самый, который стоял на рейде возле Кадьяка.

05. Корабль

Я влез на броню БТР и поднял автомат над головой с приветственным жесте.

– Ты умишком скорбен, Орк? – с некоторой долей восхищения спросил у меня Гамлет.

Подпевалы блатного захихикали, а положенец вскарабкался ко мне на БТР.

– Люди, Гамлет, – с расстановкой ответил я, – Они на две категории делятся...

– Это на какие? – подыграл мне собеседник, показав в ухмылке прокуренные зубы.

– На тех, кто знает, что такое универсальный десантный корабль класса «Лавина-А», и на тех, кто нет.

– Это универсальный десантный корабль? – озадаченно спросил авторитет.

– Так точно. Это УДК "Лавина-А", – солидно подтвердил я, – Корабль с атомным реактором, доставляющий на себе тысячу морских пехотинцев со всей причитающейся техникой. Кроме, бортового ракетно-артиллерийского вооружения несёт около двадцати вертолётов и чёрт его знает сколько беспилотных летательных аппаратов...

– Мда... – крикнул он, – Можешь не продолжать... Из названия проистекает его назначение – перевозить много-много злых морпехов.

Я промолчал. Похоже, до положенца стало понемногу доходить, что воровской республике в Треблинке во главе с бессменным батькой Гамлетом не суждено возникнуть. Тут нужно хорошенько поразмыслить, как бы голову свою на плечах сохранить.

– Что предлагаешь делать, Орк?

– Это внешники, Гамлет, но внешники наши, отечественного разлива. Предлагаю им оказать помощь против внешних не наших, – вынес на обсуждение план действий я, – Вариантов у нас не так чтобы очень много.

– А что им помешает нас опрокинуть? – призадумался Гамлет.

– Да, в общем, ничего, – согласился я с его опасениями, – Если сейчас наш бэтээр не начнут месить из корабельной арты, думаю, можно считать, что они договороспособны...

– Так, может, шарахнем из всего, что имеется, по кораблю? – закинул удочку Гамлет.

– Попробовать, конечно, можно. Но с ними уже не справились те, кто был лучше нас вооружён и подготовлен, – согласился я, – А если проиграем, пощады не будет. ДШБ нас всех на штыки кишками наматает.

– Мда... Перспективка...

Гамлет поднял зажатый в руке автомат над головой. На самом деле я несколько покривил душой. Как правило, наши первыми по нейтральным целям и союзникам огонь не открывают, особенно если не провоцировать. Поэтому я и при-

ветствовал их, размахивая своим кустарно доработанным автоматом над головой.

Корабль встал на якорь и выпустил из своего стального чрева БТР-ы, довольно шустро начавшие приближаться к нам. В воздух взмыло несколько вертолётов. Сотрясая винтами воздух, боевые машины пронеслись на предельно низкой высоте над лагерем.

На берег рядом с недостроенной пристанью начала выезжать техника с незнакомым мне изображением оскалившегося питона, обвившего якорь. Одна из боевых машин встала рядом с нами. Когда же из неё выскочил офицер, я уже был уверен, что нас не тронут. По опознавательным знакам определить звание не получилось, но было нечто неуловимое в движениях, манере держаться, что заставило меня так подумать. Но на секунду, разглядывая экипировку, более всего подошедшую для высадки на Луну, я всё равно засомневался в верности принятого решения.

– Назовитесь! – предельно конкретно потребовал офицер.

– Местные жители попали в лагерь к пришельцам из другого мира, подняли восстание после начала обстрела.

– Попаданцы мы горемычные, – усмехнулся Гамлет, – Каторжане невинные.

– Ясно! – кивнул он, выделив меня, – Как звать?

– Окрестили Орком...

– Тебе подходит, – хмыкнул офицер, – Датчане живые в лагере ещё остались, Орк?

- Своими силами не смогли взять только местный штаб...
- Давай на броню и показывай, где это!
- Есть! – непроизвольно вырвалось у меня.

Привычно запрыгнул на броню вслед за офицером, и командирский БТР сорвался с места.

Дальше всё было скучно, даже буднично. Стоило морпехам придавить огнём тех, кто засел в штабе, боевой дух муров резко пошёл на убыль. Ситуация кардинально изменилась, когда приготовились пойти на штурм несколько отделений морской пехоты – из здания начали с поднятыми руками выходить муры.

– Этот, – указал я на одного из них, – Был тут за главного. Речи перед нами произносил. Завалил одного из свежаков собственноручно.

Капитан сделал движение рукой, и мур, на которого я указал, пара крепких парней в прикиде космических десантников отволокла в сторону от остальных.

Дальнейшее решилось буквально за считанные минуты.

Укреплённый район взяли с тыла совсем уж стремительно. Стоило показаться морской пехоте и потребовать сдачи тех, кто охранял периметр лагеря, как те сдались. Если бы ими командовал японский самурай, ему надо было бы совершить харакири. Когда всё было кончено, нас попросили разойтись по баракам.

Несмотря на общее недовольство заключённых, мы подчинились. В немалой степени из-за того, что разоружать нас

никто даже не пытался. Мы все остались при той стрелковке, которую заполучили во время восстания. Это успокаивало и настраивало на мысли, что эти новые хозяева Треблинки не будут обращаться с бывшими заключёнными так, как предыдущие тюремщики.

Оккупационные власти или освободители, тут уж с какой стороны посмотреть, работали. Мы пока бездельничали и просто ждали. Время тянулось вдвойне долго, потому что зарядили холодные затяжные дожди. Нас никто не ограничивал в передвижениях. Разве что на женскую часть лагеря новые хозяева нас не пускали.

В этом я их понимал и негласно поддерживал. Они опасались вспышки насилия. Проявление такой предусмотрительности с их стороны не вызывало ничего, кроме уважения. Однако всё чаще раздавались возмущённые голоса. Но оккупационные власти разбирались с предыдущими хозяевами лагеря, не торопясь и не обращая внимания на недовольных бывших заключённых, пока те вели себя прилично.

Я, Медведь и Вождь отсыпались. Прерывались только для того, чтобы сходить за едой, поесть и натопить печку. Штык тусовался со своими новыми блатными друзьями, возвращаясь в наш барак глубокой ночью прокуренным и пьяным, чтобы поутру снова уйти. Он всё больше отдалялся от нас. В общем-то это было небольшой потерей, и вообще потерей не было. Штык изначально не демонстрировал хоть какой-то надёжности. Быть шестёркой у блатных... Этот выбор

он сделал сам. Никто его к этому не подталкивал.

Пока валялся на нарах, смотря в близкие доски потолка и слушая шум дождя, из глубин памяти всплыли строки поэта, имя которого я никак не мог припомнить:

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку -
Каждый выбирает для себя.*

*Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.*

*Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе.*

*Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже – как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.*

**(стихотворение авторства Юрия Левитанского, 1983)*
Когда я уже был готов собрать свои совсем немногочис-

ленные манатки и сорваться в побег, оккупационные власти разобрались с выжившими мурами, и дело дошло до заключённых. Нас вызывали в здание штаба как поодиночке, так и оптом, так сказать. Вернувшиеся были отпущены на все четыре стороны почти все поголовно. Многим из них были сделаны предложения о сотрудничестве той или иной степени привлекательности.

Почти всем предложили, в общем-то, те же самые условия, что у них были до этого, только включавшие усиленный паёк, оружие и проживание на всём готовом в обмен на всё те же регулярные заборы иммунной крови и операции по извлечению внутренних органов.

«Удивительно», но интересы у этих «наших» внешников-освободителей оказались ровно такими же, как у внешников не наших. Вот же какая «неожиданность»! Ну кто бы мог подумать?

06. Капитан

Если тем, кто деятельного участия в восстании не принимал, предложили остаться в лагере почти на тех же самых условиях, то вот участникам освобождения предлагали войти в ряды союзного контингента. Но обманываться не имело смысла, как наши тюремщики до этого, освободители формировали собственную муровскую группировку. Поэтому, когда меня, Вождя и Медведя вызвали для беседы с новой администрацией, то мы уже приблизительно представляли себе, что нам предложат.

Путь был знаком и привычен. Здание контрольно-пускового пункта, которое не так давно мы брали с боем, снова было под охраной. Однако на сей раз на посту я увидел не сытые рожи пиковых, а знакомых. Шериф и Бублик оскалились, увидав нашу вооруженную до зубов троицу.

– Сношать мой безволосый череп! – с восторгом рявкнул Шериф, – И куда это сосранья такие красивые мужчины пошкандыбали?

– Здравствуй, Шериф! – пожал я протянутую лапу, – Со всем себя не бережешь! Горишь на работе!

– Есть такое, да! – охотно поддержал разговор он, – Так куда?

– Туда, – показал я направление, – Вызвали в штаб для «интервью». Следуем для интервьюирования.

– Будут на службу вербовать, – с полуприкрытыми глазами со знанием дела изрек шериф, – Соглашайтесь, все наши уже почти записались в ихние партизаны.

– Послушаем, что предложат, – пожал я плечами, – Если условия устроят, непременно.

Шериф ослабился, хотя в глазах проскользнуло недоверие. Я понял, что он прекрасно понимал – все те, кто не станут мурами, рано или поздно могут выступить против него в качестве врагов.

Над зданием штаба полоскал триколор. О недавних боевых действиях уже почти ничего не напоминало. Дороги чистые, вытоптаные клумбы и газоны облагорожены и засажены вновь. Даже исклёванные пулями и снарядами стены были уже отреставрированы, разве что их ещё не успели покрасить. Всё вокруг напоминало типичный военный городок где-нибудь на периферии, каких я повидал немало.

Когда мы прошли к штабу, то ещё раз поимели сомнительное удовольствие от общения с охраной. Но уже состоящей полностью из внешников, больше напоминавших космических десантников из-за своей экипировки.

Их снаряга имела массу похожих черт со знакомым мне «Ратником-3», однако, вместе с тем, представляло собой что-то куда более продвинутое. Хотя в целом я имел представление о большинстве того, чем были обвешаны морпехи.

Тут нашу троицу уже разоружили, прежде чем завести внутрь. Несмотря на всё внешнее спокойствие, нам не дове-

ряли, что, впрочем, закономерно. Против предыдущих «спасителей» часть заключённых подняла бунт и, как ни крути, начался он с нашей троицы. Пожалуй, если бы я сам оказался на месте этих внешников, то как минимум, пристально присмотрелся бы к нам, а как максимум, ликвидировал без лишних кривляний.

Так что да, разоружаться и входить в здание, которое не так давно мы штурмовали, было совсем не комфортно. Мало того что мы почувствовали себя словно голыми, так нас ещё и через рамку металлодетектора провели. За каждым шагом следили камеры.

По организации видно – подошли к безопасности серьёзно, но сразу понятно, что в Улье не так давно... Или не успели, или не знали, что проверка ментатом действует во сто крат лучше, чем все эти технические приبلуды.

Судя по всему, кабинет предыдущего «главного» сражения не пережил, потому что нашу троицу отвели в аналог актового зала. Вероятно, эта приспособа стояла тут и до захвата, а может, успели новые хозяева так оборудовать. Часть того здания, что мы называли штабом была приспособлена под нужды внешников. Нас троих усадили перед непрозрачным бронированным стеклом.

Как и договорились заранее, мы хранили молчание, чтобы о наших планах никто не мог узнать до того, как мы их сообщим. Возможно, эта предосторожность была излишней. Возможно...

Наконец, в комнату к нам вошел мужичок.

– Привет! Я – Дуримар.

– Орк, – серьёзно представился я, поочередно указав на своих спутников, – Это Медведь, а это Вождь.

– Необычные имена, – равнодушно отметил он и сообщил, – Меня прислали провести осмотр перед интервью, для определения вашего общего состояния здоровья и статуса Даров. Это бесплатно и не больно. Вы согласны на осмотр?

– Только если ты определишь и активируешь Дары у Медведя и Вождя.

– Само собой, – кивнул Дуримар, – Начну с тебя...

Он поводил руками над моей головой и продолжил.

– Ты тот кваз с Даром электрокинеза, которого регистрировал Поц. Ты работал динамой, – утвердительно сказал знахарь, – Сколько жемчуга ты успел принять до Треблинки?

– Чёрную, красную и черную – ответил я с неохотой, – три...

Меня откровенно напрягало, что разговор могут слушать и записывать. Поход к знахарю – это всегда конфиденциально, можно сказать, интимно. Потому как никто в Улье не торопится рассказать всем вокруг о собственных дарах и умениях. Чревато нехорошими последствиями. Сегодня вы вышли из одного стаба, а завтра на кластерах окажетесь в разных командах, преследующих одну и ту же цель. Далеко ли до конфликта?

– Твоё состояние квазизаражения вызвано спорным го-

лоданием, которое ты перенёс, когда ещё организм не успел в значительной степени измениться. Дар электрокинеза уже достаточно развит, но продолжает прогрессировать и развиваться. Я вижу, что могут открыться ещё две или три грани таланта. Сейчас ты можешь несколько раз ударить молнией на расстояние, – продолжил он, – Выводить из строя локальным электромагнитным импульсом метров с двадцати-тридцати электронные схемы...

Словно не замечая того, как я напрягся, Дуримар продолжал:

– Заряжать аккумуляторы ты тоже, стало быть, можешь... Так... А вот такого я ещё не видел... Это что-то вроде ёмкости с электрическим зарядом, типа... Того же аккумулятора, но значительно мощней. Точней сказать сложно. Всем умеешь пользоваться?

Я чуть зубами не скрипнул при ответе:

– Всем...

– Тогда у меня для тебя новость, – продолжил заливаться соловьём знахарь, – В тебе уже сформировалось ядро ещё одного Дара. Сейчас оно созревает и скоро сформируется окончательно. Сказать, что это будет за Дар, сложно, но он будет сразу мощным.

– Вопросы ко мне есть?

– Нет...

Я уже давно заметил, что Улей не очень справедливо распределяет Дары. Дарёному коню под хвост не заглядывают...

Но вот почему у меня электрокинез прорезался, до сих пор для меня загадка. Медведь, бывший в прошлой жизни врачом, мог бы стать знахарем, но нет... Медведь получил слабенький Дар ментата, а Вождь получил Дар, который с нагрузкой можно было счесть боевым – защитное поле. Собственно, в пояснениях этот Дар не нуждался. Пока Вождь мог держать своё поле всего несколько секунд, однако развить его можно было тренировками и поглощением гороховки. Вспомнился Акс и наш с ним поединок на железнодорожном мосту, после которого я жив-то остался только благодаря чуду.

Ментат – это тоже не так чтобы и плохо. Очень полезный и востребованный Дар. Можно очень выгодно устроиться на каком-нибудь стабе и забыть о выездах на кластеры до тех пор, пока не появятся первые симптомы трясучки. Наблюдая за кислыми физиономиями товарищей, я не стал их успокаивать, лишь посмеялся внутри себя. Наверняка они и сами всё поймут позже.

После того как мы прошли знахаря, стеклянная стена постепенно стала прозрачной. За ней обнаружился незнакомый офицер в форме морской пехоты.

– Привет, Орк, – поприветствовал он меня, – Извини, пожать руку не могу по понятным причинам.

– Здравия желаю, – откликнулся я, – С кем имею честь?

– Капитан Дорохин... Алексей Семёнович, если тебе интересно, – ухмыльнулся он в усы, – Спасибо, что облегчил

нам задачу. Благодаря тебе Треблинка взята без потерь с нашей стороны.

– Пожалуйста, – кивнул я, – Но мы рассчитываем на ответную благодарность. Отпустите нас на все четыре, и будем в расчёте.

07. Вербовка

Дорохин посуровел, услышав моё заявление.

– Мне известно, что в решающий момент ты повлиял на решение восставших принять нашу сторону, – сказал он, сдвинув брови, – Также знаю и то, что зачинщиками беспорядков в Треблинке является ваша троица. Вы действовали отважно, своевременно и умело. Я не стану чинить вам препятствий и отпущу, но хотелось бы сделать вам предложение перед этим и выяснить пару неясных моментов. Идёт?

Я посмотрел на парней. Медведь кивнул, а Вождь прикрыл глаза. Получив молчаливое согласие крестников, кивнул.

– Мы здесь для этого, капитан...

– Но вы всё равно хотите уйти, так? Ты с этого начал. Почему такое отношение к нам? – крикнул наш интервьюер, – Мы никого не обидели, напротив, помогли, когда вы нуждались, оказали военную помощь.

– Алексей Семёнович, я в прошлом человек военный, на Северном флоте служил. Ходить кругами и плести словесные кружева не люблю, – ответил я, следя за тем, чтобы на лице не дрогнул ни один мускул, – Здесь мы только потому, что сейчас власть у вас. Иначе отправились бы по своим делам сразу после боя за лагерь. Отношение не может быть другим. Вы внешники, а внешники... С внешниками дел иметь

нельзя. А тех, кто в таком замечен, тут называют мурами и не пускают на приличные стабы или без разговоров могут завалить при встрече.

– Я так понимаю, на «нормальных» стабах у вас поселения и торговля? – спросил он.

– В том числе, – согласился я, – Ещё семьи, друзья, работа, развлечения, жильё и жизнь вообще. Всё как в родном мире, только с учётом местных условий.

Капитан нахмурился и поджал губы.

– Нам нужно, чтобы кто-то отправился в погоню за двумя сбежавшими пиковыми на соседний кластер, – наконец, перешёл он к главному, – Я хочу предложить эту задачу вам.

– Неприемлемо, – сходу осадил я его, – Парни пусть сами за себя решают, а я отказываюсь.

Сразу подал голос Медведь:

– Я не пойду, но спасибо за предложение...

Краем глаза уловил, что Вождь отрицательно покачал головой.

– Вы же не выслушали, что я вам хочу предложить в оплату, – возразил Дорохин, – Дадим пулемётный пикап и... Скажем... Пять цинков патронов. Идёт?

– Нет, – отрицательно покачал головой я, – Извини, Алексей Семёнович. Ты в Улье, вероятно, недавно, поясню. Дело не в цене, а в том, что мы ситуативные союзники. А так... По разные стороны в принципе. Нас объединил на время общий враг и общий интерес. Работать на вас я не стану.

– Презираешь? – набычился Дорохин.

Мне совершенно не нравилось, куда повернул этот разговор, но отвечать что-то было нужно. Я пожал плечами.

– Нет. Почему я должен презирать тебя или твоих парней? Плохого вы мне не делали, не слышал чтобы где-то накосячили...

Пока капитан не успел ничего сказать в разговор вклинился Медведь:

– Мы благодарны ваша организация, – с сильным английским акцентом сказал он, – И ваша лично. Ваша начальство мочь нас пустить в расход всех, но не делать это. Спасибо. Ваша внешники, вы явиться за человеческий органы – наша органы. Мы преследовать ценить целостность наша организм.

Но офицер за стеклом не принял слова американца во внимание.

– Вот подумай, Орк, – холодно заговорил он, – Ты сам служил в своём мире на флоте. Не думаю, что это имеет решающее значение. Насколько я понимаю, миры имеют различия, но большая часть из них это те же яйца, вид в профиль.

Я кивнул, подтверждая его слова.

– Скажи мне, – продолжил он, – Будет русская морская пехота принимать участие в откорме и разборке людей на органы?

– В моём мире такое невозможно...

– Вот и у нас такое неприемлемо, – припечатал он, –

Именно поэтому мы предлагаем всем оплату и условия для реабилитации всем сдавшим кровь и органы, которые потом восстановятся. Знаешь, почему я здесь?

– Откуда? Я не телепат, – пожал плечами я, – Это мне неизвестно.

– В Улье я потому, что моя дочь на той стороне сейчас в хосписе, – с каменным лицом пояснил он, – Как думаешь, был у меня выбор отказаться от этой командировки?

Я медленно покачал головой, оглушённый новостью. Как-то привык воспринимать всё со своей стороны. Внешники для меня всегда были кровавыми упырями. Никогда не задумывался над их мотивами.

– Неандертальцы тоже умели больше, чем кроманьонцы – наш вид человека разумного, – позволил себе не согласиться я, – Неандертальцы были выносливей и сильнее. Они прекрасно охотились на мамонтов. Судя по всему, это были бойцы, ломавшие медведю хребет голыми руками. Мы все знаем, что с ними случилось.

Офицер молча смотрел на меня через стекло в упор.

– Те, кто не смешался с предками современных европейцев – вымерли. Вымерли сами по себе. Понимаешь? Менее приспособленные, но организованные стали более многочисленными и заняли лучшие и большие территории...

Сам поняв, что растёкся мыслью, я продолжил:

– Те, кто держался друг за друга – победили. Прятаться – не выход. Играть от обороны почти всегда проигрышная

стратегия, – я пожал плечами, – Кто лучше, кто хуже приспособлен – покажет ближайший миллион лет эволюции. Я столько не проживу, потому не хочу ломать на эту тему голову. С этим пусть разбираются антропологи и генетики. Им-мунные уже не люди. Мутанты – другие внешники нас так и называют. Мне жаль твою дочь, как и других детей, однако я не вижу ни единого способа, как могу помочь ей. Я не тот, кто может ей помочь, капитан. Если вам что-то нужно, делайте это сами.

Дорохин ухмыльнулся одними кончиками губ, но совсем не весело.

– Да ну? – хмыкнул он.

– Меня сидение под замком не делает счастливей... Да никого не делает! А выезжать на рейды через КПП по пропускам? Это вообще не вариант, – продолжал я, – Что дальше? Нас, как собак за любую оплошность будут сажать в ошейниках на цепь? А если завтра комендантом лагеря станешь не ты, а кто-то другой? И он в один прекрасный момент решит не выпускать, например, меня, так как я ценная динамо-машина, заменяющая собой атомный реактор?

Я перевёл дыхание и в звенящей тишине продолжил:

– Нет, капитан. Пока мы в лагере, мы под неусыпным надзором большого брата, так? Но какие у вас цели? Куда вы ведёте нас? Чего добиваетесь? Да, вы помогли нам расправиться с пиковыми. Спасибо. Но меня не покидает подозрение, что вы и датчане банально боретесь за власть в регионе? – я

пожал плечами, – Сражаться я буду только за себя и своих, а их по пальцам рук можно пересчитать, и ещё останется. Я сам по себе.

Пока я выдохся и замолчал, инициативу вновь перехватил Медведь.

– Что с ваша дочь? – уточнил он.

Я понял, что вопрос задан с подвохом. Мой крестник пытается применить свой новоприобретённый Дар ментата. Ведь в хосписе можно разным заниматься, например быть главврачом или санитаром. Да мало ли?

– Белокровие...

– Это опасная... – он замешкался, подбирая слово, – Эээ... Недомогание...

– Это смертельная болезнь, американец, – возразил ему капитан, – Доктора дают прогноз в три года. Это моя личная драма, а знаешь, сколько ещё неизлечимых детей в том хосписе? А сколько по стране таких заведений?

– Много, – упавшим голосом ответил Медведь, – Очень много.

– Да, много... Но заметь, мы органы из иммунных не вырезаем без их на то согласия, – надавил Дорохин, – Мне нужны выносливые, сильные и приспособленные к местным реалиям рейдеры не для того, чтобы охотиться на людей. Со спасением свежачков с перезагрузившихся кластеров и Гамлет справится.

– Гамлет? – вяло поинтересовался я.

Как-то не вязалось это с образом положенца. Чтобы он по собственной воле начал сотрудничать с властями.

Капитан кивнул.

– Он согласился...

Мне хотелось как можно быстрее завершить этот разговор и убраться на все четыре стороны.

– Вот видите? У вас есть Гамлет и его парни. Было очень приятно поболтать, но пожалуй, что нам пора...

– погоди, – остановил меня офицер, начавший рыться в ящиках своего стола, – Ты знаешь, что это такое?

Перед ним на столешнице появился полиэтиленовый пакет. Я не сразу понял, что это.

08. Нодий

В запаянном пакете из прочного полиэтилена лежало нечто, что мне не сразу удалось идентифицировать. Что, в общем-то неудивительно, так как видеть это мне пришлось всего один раз в могильнике серых и при очень плохом освещении. Но это был он. Вернее они – мои браслеты.

Я даже словно ненароком коснулся одного из своих украшений. Нет... Это были не мои. Мои на мне.

После того как я попал с партией свежаков на ферму муров и совсем не в качестве фермера, местный знахарь определил мой Дар, как электрокинез. Судьба моя была с этого момента predetermined. Мне было суждено стать самоходным и неисчерпаемым павербанком о двух ногах.

Мне определили место работы на местной станции зарядки. В Треблинке, в общем-то, было не так и плохо. Скорей всего, где-то есть и фермы, где буквально режут рейдеров на части, но тут такого не было, только заключенные время от времени шли «вверх по карьерной лестнице». Можно сказать, что условия существования тут были вполне приемлемыми, однако и проблем своих хватало. Одной из них был недостаток энергии.

Заряжать пришлось вообще всё. От смартфонов, планшетов и ноутбуков до ручного инструмента и электромобилей. Моя рабочая смена была поделена на серии зарядок и пере-

рывы для восстановления, во время которых я отпаивался живуном и гороховкой. И так по кругу все восемь рабочих часов каждый день.

Ожидаемо владение электрокинезом улучшилось. После того, как я только обрёл этот мощный Дар, мне было сложно управлять им, чтобы не сжечь устройства или ударить не летальным зарядом электричества. Каждый раз, когда я в прошлом пытался косплеить электрошокер, вся мощь грозы то и дело норовила вырваться на свободу. Ежедневная многочасовая практика помогла научиться в полной мере контролировать эту грозную силу, доставшуюся мне.

Мощность Дара также возростала скачкообразно, но это я тщательно скрывал и связывал не с постоянной практикой, а с двумя загадочными браслетами из неизвестного мне матового серого металла на запястьях. Ведь при каждом использовании электрокинеза они теплели.

Знахарь, работавший на наших тюремщиков, возможно, не обладал достаточной квалификацией или не счёл важным, что я могу излучать электромагнитное поле, временно выводящее из строя все электрические приборы, а за время практики радиус возрос до ста с небольшим метров.

Способность «отдавать» энергию для зарядки аккумуляторов и батарей дополнилась способностью её «забирать», и не только из аккумуляторов и батарей, но и из окружающего пространства. И не просто забирать, а пополнять свой собственный банк энергии. Что-то вроде резервуара, из которо-

го я мог брать энергию, например, для всё той же зарядки, не используя свой Дар.

Где находился этот резервуар, внутри моего тела или вне его, оставалось для меня загадкой, как и то, насколько этот невидимый аккумулятор ёмкий, но выходило, что если я спокойно могу метнуть при помощи своего электрокинеза восемь-десять молний и еще несколько десятков с помощью резервуара, то запас внушительный.

Навык резервуара работал в пассивном режиме, не расходуя местный аналог манны, называемый тут Дух Стикса.

– Вижу, ты узнал их, – сделал вывод Дорохин, цепко наблюдавший за мной и, несомненно, заметивший моё рефлекторное движение.

– Да, – ответил я и снова присел напротив офицера, – Предположим.

Браслеты, возможно, влияют на мощностность моего Дара, тема была мне интересна, но как не обнаружить того, что темой я не владею? Ведь непонятные артефакты инопланетной расы достались мне практически случайно. Я полез в подземелье инопланетного сооружения, называемого тут Реликтом, и обнаружил там склеп серых, один из которых был ещё очень даже живым. Сразившись с ним, заполучил в качестве трофеев два браслета и меч. Если пользу от оружия я ощутил буквально сразу, то браслеты проявили себя много позднее.

– Ты знаешь, что это, Орк? – задал вопрос капитан, сверлящий меня взглядом.

Вот и что мне на это ответить? Врать нельзя. Мы не видим ментата, но это не значит, что его нет. Возможно, он сидит в соседней комнате и мою ложь на раз расколет.

– Это артефакты серых...

– Верно, – согласился Алексей Семёнович, – Орк, я не буду ходить кругами. Анализатор, через который вы прошли на входе, определил на тебе два таких же нодиевых браслета. Мне интересно знать, что тебе известно о подобных артефактах.

Так я и знал... Рамка металлоискателя на входе была необычной. Какое бы устройство не было спрятано под видом самого обычного, можно сказать, бытового устройства, оно сумело разглядеть на мне браслеты, которые не нашли муры. Справедливости ради стоит заметить, что наши тюремщики не особо старались. Тем не менее лёгкость с которой это сделали внешники, если не потрясала, то заставляла их уважать.

– О браслетах? – уточнил я, сам в это время лихорадочно соображая, как мне выстроить линию диалога, чтобы как можно больше получить информации по интересующей меня теме.

– Да, и о том, что такое нодий вообще...

– О нодии я не знаю ничего, – спокойно ответил я, – Это вроде металл, но точнее не скажу. Браслеты я получил случайно. Теперь они не снимаются...

Прозвучало, видимо, не слишком обнадёживающе.

– Ясно, – утвердительно кивнул капитан, – Орк, я так понимаю, договориться, чтобы ты работал на нас, не удастся. И это, в некотором образе, даже правильно, иметь дела с внешниками опасно для здоровья и жизни. Как насчёт эпизодического обмена информацией и некоторыми предметами?

Я и Медведь переглянулись, только Вождь сумел сохранить безучастное выражение лица.

– Погодите, – поднял руку капитан, – Ничего не говорите. Ведь, если вас будут допрашивать с ментатом, тогда вы не сможете ответить неправду. Поэтому просто посидите и послушайте меня молча.

Мы снова переглянулись и кивнули. Морпех продолжил.

– Орк, если бы ты не был одним из нас, пусть из... Хм... Параллельного мира, этого разговора, скорей всего, не было бы. Я думаю, нужно сказать, что это не первая миссия в Улье. Не буду скрывать. Да, нас тоже интересуют кровь и органы иммунных, – он сделал в воздухе рукой пространственный жест, – Оправдываться я не собираюсь за это. Потому как сами мы никого не замучили из-за этого и не планируем заниматься этим в дальнейшем.

Капитан поочерёдно посмотрел на каждого из нас, словно ожидал какой-то особой реакции. Не дождавшись, продолжил:

– Мы кое-что об Улье и местных порядках уже знаем – была у нас база на крайнем западе. Удобная база, в тех краях подходящие места – редкость. Саратовом назвали. Жаль, что

пришлось её покинуть. Но мы учли все предыдущие ошибки, поэтому здесь начали с того, что перебросили сюда универсальный десантный корабль и начали с разведки и зачистки поляны, – он хмыкнул, – Но знаешь, ни там, ни здесь мы не охотились на иммунных. Покупали их помощь? Да! Но никогда не обманывали и не резали против воли. А вивисекторы – это ваше вселенское зло – датчане. И нас они, как бойцы, скажем прямо, не впечатлили. Немного даже странно, почему местные сообщества иммунных не справились своими силами.

Я кивнул соглашаясь. Медведь скептически хмыкнул, на что капитан улыбнулся одними уголками губ.

– Наша основная цель пребывания в Улье – стабильные поставки нодия, – Дорохин выдержал паузу, но, видимо, снова не дождался от нас нужной реакции, – Нодий купим весь по хорошим ценам. У иммунных цены плавают от трёх – четырёх споранов за один грамм нодия, если поторговаться и сбывать не барыгам, а мастерам и знахарям, то и по шесть можно продать, а если с по-настоящему заинтересованными пообщаться – возьмут по восемь за грамм. Мы же заберём по десять столько, сколько принесёте.

Я кивнул, прикидывая в уме цену. Тема интересная, но... Но, во-первых, решительно непонятно, где этот самый нодий брать. Верней, даже догадываюсь где – в Реликтах, но в прошлый раз, скажем прямо, ушёл я от серого только чудом. Во-вторых, я не знаю контактов и не имею связей, чтобы по-

греться на барыжничестве нодия. А так да... Можно было бы сесть в стабе, заняться перепродажей, и будет нормально. Предположим, я сторговал один килограмм нодия по пять споранов за грамм, а ушел он по десять. Пять сотен споранов это... Это выручка, ради которой имеет смысл заняться торговлей, но... Это внешники!

09. Засада

Из Треблинки мы выдвинулись на следующее утро, и не одни, как предполагал я, а в составе отряда из двух десятков кое-как вооружённых американцев и трёх десятков безоружных женщин. Штык ожидаемо остался со своими новыми блатными друзьями в лагере. Под самую ночь, когда мы уже готовились к отбою, в наш барак заглянул Медведь с новым знакомым. Знакомого звали Габриэль Браун, и он был лидером местной англоязычной общины. Мой крестник в силу своей общительности познакомился с ними почти со всеми, а сейчас привёл Габриэля делать мне предложение, от которого я не смогу отказаться. Они хотели покинуть Треблинку и добраться до Зимнего. Стоило бы послать его с такими предложениями, потому что этот «лидер общины» мне сразу не понравился.

Почему? По большей части что-то мне нашёптывала интуиция. Разумная часть не желала связываться с политиком, коим мистер Браун являлся в своём мире. Он там был то ли мэром города, то ли губернатором. Но Медведю, договорившемуся о том, что мы будем выступать в качестве проводников, я не смог. Также немаловажным доводом было вознаграждение за спасённых женщин. Всего-то и нужно было доставить их до кластера Кадьяка, а дальше я неплохо изучил маршрут и представлял себе обратный путь.

Сразу после того, как я выпроводил Мэйсона, к нам заявился Гамлет собственной персоной, чтобы попрощаться, и предложил выделить десяток своих пацанов для сопровождения.

Предложение не было лишено смысла, если бы я был уверен в его «пацанах», а так терзали смутные сомнения, что сопровождающие сами начнут творить беспредел. Да и к Гамлету, если разобраться, доверия никакого я не питал. Поэтому я поблагодарил его и очень вежливо отказался под удивлённым взглядом Медведя и одобряющим – индейца. А на следующее утро мы двинулись в путь.

* * * * *

Мы втроём шли замыкающими в изрядно растянувшейся колонне. Так было проще – основная масса отправившихся с нами не выдержала темпа, заданного мной и Вождём.

Часть авангарда уже забиралась на сопку, когда я заметил яркие вспышки, разорвавшие серую хмарь северного дня. Грохот выстрелов, свист осколков и пуль настигли меня уже вжавшимся во влажный дёрн.

– Ложись! – заорал я во всю мощь своих голосовых связок, увы, с изрядным опозданием.

Миномётный боеприпас ахнул в нескольких метрах, нас засыпало комьями земли. В ушах зазвенело, а по голове словно с размаху долбанули молотком. На какое-то время

свет в глазах померк. Когда же я пришёл в себя, пришлось для начала отплевать от песка, прежде чем крикнуть:

– Медведь! Вождь! Целы?!

– Не ори! – ответил мне индеец, – Целы мы. Сам как?

– До свадьбы заживёт! – осклабился я резко, разом очнувшись.

Из ушей и носа текла кровь. Отвратительный вкус жи-вуна смыл металлический привкус с языка. Голова кружилась, подташнивало. Это мне неплохо прилетело. Контузия как она есть. Я повернулся, чтобы перекатиться за ближайшую кочку, и напоролся взглядом на стекленеющие глаза оторванной женской головы. Она заслонила меня своим телом. Крупный осколок стадвадцатимиллиметровой мины перерубил впереди идущей женщине шею. Я непроизвольно вздрогнул. Сколько уже видел изуродованных трупов? И таких, и ещё похуже, а всё никак не привыкну.

Подловили нас знатно, конечно! Засада! Теперь нужно показать парням, кто на кого напал.

Гнев застучал в ушах боевыми дикарскими тамтамами. Хоть в ушах у меня ещё звенело, а голова продолжала кружиться, получилось перекатиться за кочку и приподняться на локте, чтобы оглядеться и понять, что вообще творится вокруг.

Вокруг ближайшей воронки от разрыва мины в беспорядке лежало около шести – семи убитых, столько же были ранены.

Я грязно выругался и посмотрел дальше, а там шёл бой. Но это только по названию, а по сути засевшие на сопке тво-рили, что хотели, с неорганизованной толпой.

Кинжальный огонь из пулемёта и автоматического ору-жия тех, кого не убил, заставил залечь. Трупов было много, а это значило, что напали на нас не муры. Эти стараются брать живыми, чтобы потом использовать на своих фермах.

Организованно никто не сопротивлялся. Так... Постре-ливали время от времени в ответ, но эффективность такой стрельбы была близка к нулю. Тут в основном гражданские, бой для них стал карой небесной. Кричали и стонали ране-ные, но оказать помощь я сейчас им не мог. Если меня тут убьют, не смогу помочь уже никому. Неприятель продолжал давить огнём, а тундровые мхи с жадностью впитывали в се-бя человеческую кровь. Стикс, будь он неладен, снова при-нимал жертвоприношение.

Стащив свою кустарно доработанную «Сайгу», я упер её в кочку и через прицел осмотрел кромку сопки. Перевёл ре-жим огня на автоматический. И вовремя! Фигур восемь че-ловеческих встали в полный рост и нагло двинулись сверху вниз. Сейчас... Сейчас накажу...

Мы перемигнулись с Вождём. Он мне кивнул. Медведя я нигде не увидел.

Приклад привычно упёрся в плечо, я облизал губы и за-держал дыхание, прицелившись. Первый тёмный силуэт за-хвачен в прицел, палец мягко давит на спуск.

Та-тах! Подала голос «Сайга». Бах-бах! Поддержал её АК-102 Вождя. Ну, понеслась! Дальше мы лупили длинными очередями, полосуюя пытавшихся отступить врагов. Слаженный организованный и адекватный ответ со стороны разгромленной колонны гражданских заставил не ожидавших такого неприятелей попытаться отступить обратно, на сопку. Но это было ошибкой. С горочки только спускаться легко и быстро, а вот лезть на неё, да ещё и под обстрелом...

Наши пули успели настичь всех. «Сайга» внезапно замолчала. Я выругался и дёрнул затвор. Мир новый, а проблемы старые! Закончив дёргать затвор, я поднял глаза и обомлел!

На гребень сопки выползла шведская БМП. Это были не кто иные как датчане. Дания и Швеция – разные страны, в моей прошлой реальности по крайней мере, но рейдеры народ простой и часто необразованный. Как начали называть шведов датчанами, так продолжают, но это знание мне никак не поможет. Крыть такой аргумент, как БМП, было решительно нечем. Боевая машина пехоты рыкнула дизельным двигателем и неторопливо поползла дальше, выворачивая куски дёрна.

Пушка навелась на кочку, за которой укрывался индеец. Так... Это совсем уже не дело! Я прикрыл глаза и...

Когда лёгкая оторопь меня отпустила, я сконцентрировался и почувствовал электронику внутри боевой машины. Это было сродни тому, как если бы вдруг стала видна кровеносная система в живом существе. В какой-то момент стало

понятно, где какие узлы расположены. Пора бы уже и вырубить их все.

От моего тела словно бы пошла невидимая, но упругая и вполне осязаемая мной волна. Когда она дошла и накрыла машину, та чихнула двигателем, заглохла и встала.

Далековато – всё же и много электроники напичкано в этой стальной коробке. В висках застучало, тело прошибло ледяной испариной, дыхание сделалось прерывистым, а конечности сразу ослабели. Дрожащими пальцами я скрутил крышку фляги с живуном и надолго к ней приложился, восстанавливая спорный баланс многострадального организма. И что мне в Треблинке не сиделось?

У нашего противника всё ещё был козырь, который мы не покрыли. Раздался хлопок вышибного заряда и свист, вторая мина полетела в нашу сторону. Я скорчился за своей кочкой. К счастью, тяжёлый миномёт бил наугад в белый свет, как в копеечку.

Сидеть и восстанавливаться после применения Дара не дали. Со стороны Вождя раздалась очередь, но я почему-то посмотрел в другую сторону. Внезапно для самого себя обнаружил Медведя, закрывшего голову руками и скорчившегося от страха. Тут и бывалому не зазорно струхнуть, а Медведь вообще в той жизни был интеллигентом картонным. Ничего... Привыкнет...

– Крестник! – рявкнул я, – Медведь!

Грязно выругался, и никакой реакции!

– Прикрой! – снова рывкнул я, – Я в атаку!

Перехватив «Сайгу» поудобней, перемахнул кочку и бегом бросился к БМП, из которой выпрыгивал экипаж. Выстрелил, промахнулся! Но крестники прикрывали.

В голове в это время раненой птицей билась одна только мысль – необходимо срочно добежать до миномётной позиции и всех там наказать, пока они не разобрались, что к чему, и не накрыли нас.

10. Бой

На середине пути к вершине сопки я нос к носу столкнулся с укрывшимся за БМП внешником в герметичном костюме. Пока тот оторопело пялился на выросшего словно из-под земли кваза, сунул ему прикладом в панорамное стекло шлема, что только опрокинуло и шокировало его, а не нанесло какой-нибудь ощутимый вред. Я несколько раз выстрелил в распростёртое тело. В это время мимо меня с диким криком промчался Медведь со своим «Маузером» наперевес. Отбросив опустевший бубен, пустился следом за крестником. На бегу вбил в «Сайгу» магазин на двадцать патронов и остановился. Такой подставы ожидать было сложно. Миномёт был расположен на платформе, а платформа в кузове военного грузовика! Грузовика, который от нас довольно шустро удалялся. Видимо, миномётчики смекнули, что к чему, и решили, что лучше бы им от нас убраться подальше. Тридцать метров, определил я на глаз. Для моего Дара не предел, и я ударил молнией.

Вошедший в раж Медведь бросился за уезжающей машиной. Мало того, он на ходу ещё умудрялся стрелять. Адреналин полностью изменил полярность эмоций моего крестника. Я не стал его останавливать, а просто потянулся к своему Дару, отстранённо наблюдая, как внешники устанавливают крупнокалиберный пулемёт на станину.

Разгильдяи... До боевого выезда этим надо было заниматься. Сейчас накажу вас за вашу расхлябанность, ребятки! Совсем расслабились, привыкли работать по ополченцам с закрытых позиций.

Я выставил перед собой указательный палец, словно пистолет и, прицелившись, выстрелил. Треснул одиночный электрический разряд, прокатившись эхом над тундрой. В глазах потемнело от ослепительной вспышки, а когда через секунду зрение вернулось, увидел, что убил только пулемётчика, вывалившегося из кузова вместе с пулемётом.

Попадавшие на дно кузова бойцы неприятеля, начали приходить в себя, и первый, кто высунулся, взял меня на прицел. Он выстрелил, но ствол дёрнуло. Пуля просвистела в метре от меня.

– Карачун тебе, мазила! – осклабился я и указал пальцем на него.

Треснула молния, когда глаза пришли в норму, я обнаружил второе тело, вывалившееся из грузовика. Третий раз я уже пустил молнию почти без паузы. На этот раз удачно. Боекомплект к миномёту детонировал, а я запоздало подумал, что можно было попытаться их захватить. Изнутри кольнула острая игла запоздалого сожаления. Из состояния саморефлексии меня вывел крик Медведя.

Я не сразу осознал, что он там кричит из-за обилия английских слов, но понял его пантомиму. Мой крестник указывал пальцем в небо.

Я задрал голову и рассмотрел хищную стремительную тень беспилотного летательного аппарата, закладывающего в небе над нашей разгромленной колонной крутой вираж. Фюзеляж вытянутый, плоскости смещены к хвосту. Геометрия крыла обратная, но слабовыраженная. Если бы у меня была задача объяснить на пальцах, как выглядит этот ударный беспилотник, то сказал бы – как перевёрнутый крест, естественно, христианский, а не какой-нибудь кельтский. Как я понял, что аппарат ударный? Да просто всё. На открытой подвеске под крыльями размещены шесть ракет. БПЛА словно нарочито медленно совершал манёвр захода на цель, будто бы давая себя рассмотреть во всех деталях и дать почувствовать жертвам неминуемый и неотвратимый конец прежде, чем безнаказанно отбомбиться и скрыться за низкой облачностью.

Догнавший нас Вождь и Медведь открыли огонь из стрелкового оружия. Я тоже прицелился, не из оружия, а указательным пальцем.

– Закройте глаза! – приказал я.

Долбанула молния, в воздухе ощутимо запахло озоном. Но как только я снова стал видеть, стало ясно – промахнулся. Матюгнувшись, снова прицелился и метнул молнию. И снова промазал! Ну почему с таким мощным боевым Даром не подвезли прибор самонаведения? Одной молнии беспилотнику наверняка хватило бы. Так... Стоп!

В лагере я прокачал Дар, но, похоже, это сказалось на ра-

боте моих мозгов не лучшим образом. Закрыв глаза, сосредоточился и через несколько секунд ощутил электронику, которой небольшой БПЛА был буквально нафарширован. Уже знакомое ощущение невидимой упругой волны накрыло меня. Внутреннее чувство подсказало, что все узлы электроники беспилотника разом отключились. Я открыл глаза, утёр ладонью крупные капли холодного пота, заливавшие их и уселся на том же самом месте, где стоял. Голова раскалывалась от боли, тело покрылось ледяной испариной, меня бил тремор. Я всё.

Если появится ещё один БМП или беспилотник, нам хана. Да что там! Даже мальчишка с рогаткой мне в таком состоянии опасен, задумай он против меня что-нибудь плохое. Открутить крышку никак не получалось. Руки дрожали, в глазах стремительно темнело. Скорей всего, будь я один, упал бы в обморок, но рядом присел Вождь и протянул мне полулитровую пластиковую бутылку с живуном. Я надолго припал к горлышку, восстанавливая свой спортивный баланс.

– Дайте мне минут десять, парни...

Улёгся прямо на мох, кто-то подложил мне под голову рюкзак, наверное, Вождь. Медведь никак не мог успокоиться и усесться. Он то и дело вскакивал, оглядывался настороженно. Садился, снова вскакивал. Видел я такое... Потом просто рухнет без сил. Надо добраться до населённых мест до этого. Надо...

Человек такое существо, которому свойственно уставать

от чего угодно. В перечень входят и самые любимые занятия. Даже такие милые сердцу как война. Меня вырубило наглухо. Потух так резко, словно пробки выкрутили. Просто в какой-то момент ни на что не осталось сил. Забытьё забрало меня полностью и без остатка.

* * * * *

Я открыл глаза и первое, что увидел – низкое хмурое серое небо. Вокруг происходил какой-то нездоровый движняк. Болело всё. Вставать и принимать хотя бы какое-то участие в активности не хотелось категорически.

– Надо похоронить убитых!

С ясно читаемыми начальственными нотками произнёс мужской голос. Я узнал Габриэля Брауна, старшего у американцев.

– Хороните, – флегматично ответил Вождь, – Мы вам не мешаем.

– Помогите нам...

– Нет, – также флегматично ответил индеец, – Мы не будем тратить энергию на это. Да и не принято тут это.

– Тут, – включил дурака Браун, – Где тут?

– В Улье.

– Ну и что, – не согласился Габриэль, – Так принято у нас. У людей. Мы переместились в другой мир, но остались людьми.

– Мы не поможем с копанием ям, – флегматично сказал Вождь, – Если вы этим займётесь, мы не будем вас ждать, а пойдём дальше сразу, как очнётся Орк.

– Русский? – пренебрежительно выплюнул Браун.

– Русский уже очнулся, – подтвердил я, вставая с кряхтением, как старый дед, – Нельзя нам тут. Нашумели мы очень. Нужно двигаться дальше как можно быстрее.

– Поделитесь хотя бы оружием...

– Всё собрали? – посмотрел я на Медведя.

Тот кивнул и показал на солидную кучу стрелковки, среди которой выделялся пулемёт.

– Хорошо, – кивнул я, – Гаврила Коричневый... Вот с какой радости? Почему мы должны делиться? Что-то я не заметил, чтобы кто-то воевал с внешниками, кроме нас троих.

– Если вы собираетесь нас бросить, то должны нам дать хотя бы возможность себя защитить! – выпалил он.

Я придвинулся к политику вплотную.

– Не должен я тебе ничего, янки, – процедил я, – Вот у тебя на плече винтовка висит, что-то я не слышал ни единого выстрела из неё во время боя.

– Мы не бросаем никого, – флегматично сообщил Вождь, – Это вы не собираетесь с нами идти. Остаться на месте опасно. Кроме того, что могут на шум собраться заражённые, внешники могут прислать беспилотник проверить, что тут произошло.

Я подавил острое желание дать Габриэлю по морде и спро-

сил у Медведя:

– Много раненых? Что будем делать с ними?

Но Брауна было не остановить:

– Лекарств нет! перевязочных материалов нет! Транспорта...

Я осклабился:

– Дай угадаю... Нет?

– Нет!

– И что ты предлагаешь?

– Кто встанет, тот пойдёт с нами дальше, а кто не встанет...

Я с интересом смотрел на бывшего мэра.

– Мы не сможем нести раненых на себе. Пусть сами позаботятся о себе.

11. Дальнейший путь

Я только хмыкнул, наблюдая за тем, как Гаврила Коричневый пошёл шмонать трупы убитых. Это не я такой жестокий, а мир. Он либо примет правила игры, либо сломается.

После того как лидер англоговорящей группы начал пытаться нас переубедить, я развернулся и пошёл заниматься своими делами. Не то место, чтоб спорить с идиотами. И не то время, чтобы тратить его на пустопорожние разговоры.

Украдкой я всё же наблюдал, как Гаврила кликнул нескольких мужчин, и они начали стаскивать и укладывать трупы в рядок, чтобы, видимо, заражённым было сподручней их жрать. Большинство гражданских слонялось по округе бесцельно, никак не приходя в себя от случившейся мясорубки. Ну а мы втроём забрались в БМП.

– Сможешь завести? – поинтересовался Вождь, севший на место командира.

– Сейчас попробую, – отозвался я, располагаясь в кресле мехвода, – Хорошо бы...

– Тут гранаты есть и три цинка пятёрки! – радостно воскликнул Медведь из десантного отсека.

Я сосредоточился, закрыв глаза. Насытил аккумуляторы энергией и попытался оживить электронику, но ничего не вышло. Во время боя не было времени концентрироваться и разбираться, по какому узлу с какой мощностью ударить.

В итоге в хлипких электронных мозгах импортной боевой машины пехоты сгорело что-то жизненно важное. Наверняка эти повреждения не фатальны, машина ремонтпригодна, но на ходу нам её не починить.

– Как думаешь... – задался вопросом Медведь, – они вернутся?

– Конечно, – флегматично ответил Вождь, – Думаю, это просто мобильная группа, которую отправили разобраться, почему вдруг Треблинка перестала выходить на связь. Их прикрывал беспилотник...

– Целеуказание они с него получали, к гадалке не ходи, – заключил я, – А если мы попали на его камеры, то есть ненулевой шанс, что за нами уже выслали отряд покрупней. Надо уходить.

– Что с БМП? – спросил Медведь.

– Я перестарался, – с сожалением ответил я, – Сгорело что-то важное. Электроника мертва. Зажигание не работает... Сколько там гранат?

– Пять штук, – бодро ответил Медведь, – А что?

– Мне хватит и двух... Заминируем БМП. Наверняка они захотят её вернуть...

Мы потратили ещё несколько минут на сооружение кустарной мины, примотав проволокой две связанных гранаты к люку и набросав несколько снарядов под них. Чтобы бахнуло так бабахнуло.

После того как мы повывлезали из чрева БМП, Коричне-

вый решил снова пообщаться со мной.

– Помогите нести раненых... Не бросать же их здесь...

Однако он посмотрел на меня и, наткнувшись на мой тяжёлый взгляд, решил, что ответа дожидаться не стоит. Развернулся и обиженно зашагал к своим подопечным. Медведь покачал головой и пустился вдогонку.

– Мистер Браун, – окликнул он его дружелюбно, – Ну сами подумайте, мы трое самые боеспособные защитники. Вам стоит довериться Орку...

Дальнейшее я не слышал, да и не хотел. Поднял бронежилет и каску. Спустя несколько минут удалось подогнать их под свои особенности. После пришёл черёд оружия. С «Сайгой» расставаться не хотелось, но патроны для неё вышли практически все, так что смысла тащить лишний вес на своих двоих было немного. Скрепя сердце, бросил её. Штурмовая винтовка внешников, как ни странно, оказалась не самой удачной копией автомата Калашникова, хотя на маркировке значилась надпись «FFV 890 SAR». Обыкновенная штурмовая винтовка под европейскую пятёрку с глушителем. Пистолеты, доставшиеся, нам были девятимиллиметровыми «Глоками». Но ни одного сколько-нибудь вменяемого тесака или топорика подобрать не удалось. Пришлось довольствоваться ножом.

Вождь тоже с сомнением крутил в руках чудо шведского военпрома.

– Бери, – кивнул я индейцу, – Оружие это кусок железа,

только и всего. Всё от стрелка и патрона зависит...

Крестник флегматично пожал плечами.

– Не АКМ, конечно, но нам пока стодится...

Он оттянул затвор и зачем-то посмотрел внутрь.

– Куда дальше? – спокойно спросил Вождь.

– Если мы сменим направление, – пояснил я, – то вообще никуда не дойдём.

– Значит, в Алюриик, – скорей утвердительно, чем вопросительно сказал он, – Хорошо.

– На моей карте указано, что этот кластер прилетает с Кадьяка. Ты вроде местный там был. Может, слышал что-нибудь?

Вождь отрицательно покачал головой.

– Нет. Не слышал. Я как школу закончил, завербовался в армию, – пояснил он, – Служил в форте Девенс. Воёвал в Ираке. Когда демобилизовался, учился на журналиста, потом по Африке работал. А вернулся на родину только несколько лет назад. Вот такой я местный на Кадьяке.

Он резким движением вбил магазин в автомат и ловко прицепил его на три точки крепления. Глядя на уверенные движения привыкшего к обращению с оружием человека, я спросил:

– Неплохо у вас там репортёров учат с оружием обращаться.

Индеец сдержанно улыбнулся и ничего не ответил. Я не расстроился. Хотя бы один боец, хорошо владеющий оружи-

ем и без колебаний пускающий его в ход, когда нужно для выживания, в нашей ситуации не помешает.

Медведь вернулся и без долгих предисловий снарядился. Я, закинув пулемёт на плечо, мрачно наблюдал, как поредевшая колонна двинулась в путь. Фактически эти люди бросали раненых на съедение заражённым или же на откуп внешникам. Даже сложно сказать что тут будет хуже. Если твари без затей сожрут, то вот с пленом могут выйти варианты поинтереснее.

Естественно, бросать никого просто так у меня намерений не было. Всем раненым я раздал то или иное оружие, чтобы у них был шанс отбиться. Всем тяжёлым мы сделали уколы болеутоляющего из аптечек внешников. Однако и оставаться с ними было нелогично.

– Помогайте друг другу, – объяснял я им, – Двигайтесь в том направлении. Не расставайтесь с оружием. Стреляйте во всё, что покажется вам подозрительным. Не сдавайтесь в плен. Так у вас будет шанс выжить и дойти до кластера Алюриик. Там какой-то небольшой городок. Как только мы доберёмся туда и разместим остальных, я вернусь за вами на транспорте.

На душе кошки скребли от принятого трудного решения, но поступить иначе означало бросить большую часть тех, кого мы взялись проводить.

В колонне осталось чуть больше половины из людей, вышедших с нами из Треблинки. И я очень сомневался, что

хоть кто-нибудь из тяжелораненых доберётся до населённого кластера. Оставалось только поторопиться, найти там транспорт и вернуться за ними, а потом регенерация иммунных сделает своё дело лучше любых докторов.

Но как я не подгонял гражданских, колонна тянулась унылым червём. Женщины, да и большинство мужчин, просто не могли двигаться так быстро, как нам было нужно. Два раза на нас вышли стаи заражённых, привлечённых стрельбой. Первая состояла из уже потерявших штаны пяти бегунов, один из которых готовился вот-вот стать лотерейщиком, но короткая очередь из пулемёта поставила точку в карьере заражённого. Со второй стаей, состоящей почти из тридцати особей, пришлось повозиться. Самой развитой тварью был топтун. собственно этот живучий гад нас и заставил понервничать. Вопреки прямолинейной логике заражённых, он кружил вокруг колонны, не в силах уйти от такого количества мяса, вкусно пахнущего страхом, но и приблизиться к вооружённым людям боялся. Две горошины из его спорового мешка сейчас болтались в кармане моей спецовки.

Ночь застала нас вне города. Двигаться дальше по темноте я не рискнул. Остановившись, разбили подобие лагеря. Костры разводить не решились. Просто устроились на сухих участках мха, прижавшись друг к другу.

Поели холодных консервов, запили живуном и стали готовиться ко сну. Назначать в караулы никого из гражданских даже не подумал, все ночные часы разделил между собой,

Медведем и Вождём. Вождю оставил самую тяжёлую смену в утренние часы, когда спать больше всего хочется.

Ночь пролетела, как не было, и сон нам не испортили ни внешники, ни муры, ни заражённые. С первыми лучами мы выдвинулись в направлении городского кластера. По моим расчётам, мы должны были уже подходить к его границам, как впереди замаячили очертания укутанного туманом города, и в воздухе появился запах кислятины. Сверкнула молния, за ней другая. Громыхнуло.

12. Алюриик

Город раскинулся в узкой ложбине между склонами двух пологих сопок. Да и не город это был... Так... Городок или даже посёлок городского типа. Центр окружён вольготно раскинувшимся частным сектором, сбегаящим к нескольким малым причалам, скорей всего, принадлежавшим местным рыбакам. Из местных достопримечательностей торчала одинокая православная колокольня рядом с небольшой церковью да пожарная башня. Больше издалека ничего было не разглядеть. Порывы ветра с моря быстро уносили клочья белёсого тумана.

– Не хочется в город входить, – флегматично сообщил мне Вождь, – Предчувствие плохое...

Медведь с интересом посмотрел на него и занялся проверкой трофейного автомата.

– Я бы тоже в него не полез, – согласился я, – Но населённые пункты безопасней проходить насквозь, чем обходить. Особенно сейчас. Пока запах кисляка стоит в воздухе, ни один заражённый не сунется в город. Разве что самые умные или развитые из них.

– Заражённые ждут на границах кластера, а местные жители ещё не поняли, куда попали, – поддакнул Медведь, – Должны пройти спокойно.

Я кивнул:

– Идёмте...

Вот только пройти у нас спокойно не получится. Для дальнейшего броска к Зимнему нам много чего потребуется. Оружие, транспорт, припасы, а у нас нет местной валюты, и сроки перезагрузки этого кластера мы не знаем. Мы вообще ничего о нём не знаем, но выбора нет.

До частного сектора оставалось километра три-четыре, и начали попадаться машины на дороге, едущие за пределы кластера. Местные, ещё ничего не знающие о здешних ужасах, перемещались очень спокойно. Так в Улье ездят только под защитой стен стабов, а на кластерах выжимают из машин всё, что только можно. Я проводил взглядом необычно выглядящую фуру дальнобойщика, в которой ощутил мощные электродвигатели и аккумулятор.

Способность ощущать электроприборы проявилась у меня почти сразу после открытия Дара электрокинеза и поначалу была очень слаба. Да что там! Почти неощутима, но регулярное принятие раствора гороха значительно подстегнуло развитие этой грани моего таланта. Ещё и нодиевые браслеты влияли в значительной степени на открытые Дары и их грани. Развивали, усиливали, структурировали и делали взаимодействие с Даром простым и, наверное, понятным даже обезьяне.

Все эти мысли терзали меня, пока я смотрел на проезжавшего мимо нас дальнобойщика. Тормознуть? Всё равно его ждёт неприятное открытие, когда он отъедет подальше. Вряд

ли он выживет, а так мы обзаведёмся очень удобным и выгодным транспортом. Пока меня одолевали сомнения, фура выскочила из зоны действия Дара.

Тем временем ветер рвал клочья тумана окончательно, унося с белёсыми клочьями и тошнотворный химический запах. Но раннее утро не располагало к случайным встречам с прохожими.

По инерции люди ещё живут самой обычной жизнью. Им пока невдомёк, что обычная жизнь, да и жизнь вообще, завершится в течение первых суток. Кто-то заурчит и начнёт пытаться откусить от соседа кусок мяса, те, кто вытянул счастливый билетик в лотерею Улья и окажутся иммунными, попытаются выжить. Однако без информации, что вокруг творится, они с большой вероятностью обречены на смерть если не в клыках заражённых, то уж совершенно точно от спорового голодания. Последнее, впрочем, и нам грозит. Толпа большая, а запасы живуна уже подходят к концу, все спораны у меня, и их всего двенадцать. Так что задержаться в этом городишке с поэтическим и непонятным названием Алюриик нам, хочешь или нет придётся. Да, для того чтобы поохотится на заражённых.

Всем, увы, не помочь. Даже думать о таком противопоказано, чтобы не впасть в чёрную депрессию. Я покосился на Вождя, тот шагал с нечитаемым выражением на лице. Флегматик. Абсолютно надёжный и крепкий мужик, стойко принимающий удары судьбы. Он держит удар и, по возможно-

сти, не упускает шанс дать сдачи. Это неплохо, но есть вероятность, что он взорвётся или сломается в самый неподходящий момент.

Медведя, похоже, мучили мысли, схожие с моими собственными. Скулы моего крестника затвердели, на лице под щетиной играли желваки.

– Когда я только попал в Улей, – сказал я ему, – Был в Москве. Представляешь себе Москву, Медведь?

– Мегполис, – ответил он, взглянув на меня, – Что там представлять? Жарко было?

– Да... На моих глазах нормальные люди перевоплотились в заражённых и начали жрать тех, кто ещё не успел заурчать. Потом много такого видел, – я цыкнул зубом и переложил пулемёт на другое плечо, – Постепенно привыкаешь, но смотреть на всё это гадко до сих пор. Но...

– Всем не помочь, – кивнул Медведь, – Я в порядке. Не волнуйся.

Однако волноваться я продолжил, так как, что бы он там не говорил, был мой крестник далёк от нормы.

Недалеко от въезда в город обнаружился поворот к промышленному району с какими-то складами. Так как большинство из нас были в рабочих спецовках невнятного синего цвета, то должны были не так сильно бросаться в глаза. Как только объяснить то, что многие мужчины вооружены кто чем? Этого я пока не придумал. Вообще, проблемы надо решать постепенно, то есть не все сразу, а по очереди. Сооб-

ражу что-нибудь по ходу дела...

Заготовок у меня никаких на подобные случаи не было, потому я просто собирался действовать по обстановке. Нам надо отлежаться сутки где-нибудь, не очень отсвечивая, не пугая местное гражданское население и не вступая в контры с местной полицией. Только боя с полицейскими нам в наш букет неприятностей не хватает. Как только доведу всю эту толпу до безопасного места, нужно бы вернуться за ранеными.

Тем временем мы ушли с улочек с аккуратными домами частного сектора тут асфальтовая дорога сменилась на укатанную гравийную. Вокруг нас раскинулись какие-то непонятные промышленные и складские районы. Преимущественно это были легко сборные здания в два и три этажа.

– Смотри, – привлёк моё внимание Вождь, указав пальцем, – Мы это ищем?

– Думаю, да, – я оценил обнаружившийся за выцветшим кирпичным забором брошенный склад, – Пошли, посмотрим.

Металлические ворота были закрыты на навесной замок героических размеров. Впрочем, это никак не повлияло на то, что я сломал его рукой, взявшись за дужку и резко дёрнув.

Втянувшись внутрь, мы лишь подтвердили мою догадку – это оказался большой брошенный склад. С обитаемым вторым этажом, отведённым под офисы.

– Пока заляжем тут, – постановил я, показывая второй этаж гражданским, – Отдыхаем и прячемся сутки.

– Тут вода есть! – радостно сообщила вышедшая из туалета женщина.

– И душ! – вторила ей другая, – И горячая вода!

– Ну вот и славно, – облегчённо выдохнул я, – Все довольны...

Естественно, что довольны были не все. Достаточно посмотреть на кривящего свою рожу Гаврилу, но ему я ничего не должен и нянчиться с ним совсем не обязан.

– Медведь...

– Да?

– Я возьму Вождя и отправлюсь на поиски машины.

– Угу.

– Если получится, мы сразу сорвёмся за ранеными и заберём их...

– Вам помощь потребуется. Я с вами.

– Нет, – отрицательно качнул я головой, – Ты оставайся здесь и пригляди за политиком, чтобы он не наломал дров.

– Справятся и без меня, – легкомысленно махнул он рукой, – Вам буду нужней.

– Медведь, сделай, пожалуйста, так, как я тебя прошу, – заглянул ему в глаза я, – Самого Гаврилу мне ни разу не жаль, а вот женщины... Присмотри за ним. Я очень хочу найти всех целыми и невредимыми, когда мы вернёмся.

– Хорошо...

Медведь был недоволен моим решением, но возражать дальше не стал.

Я и Вождь сложили приклады автоматов и спрятали их в рюкзаки. Пулемет оставили на всякий пожарный случай Медведю – ему он может оказаться нужней. Броники надели под форменные фуфайки. И... В общем и целом, стали отдаленно похожи на гражданских работяг. Если не присматриваться, конечно. При себе оставили только пистолеты. И в таком замаскированном виде отправились искать транспорт.

Я поделился с Вождём, что мимо нас промчал очень интересный дальнобойщик.

– Что такого хорошего в этом грузовике? – с сомнением спросил индеец.

13. Зубр

– Много чего, – обнадёжил я спутника, – Во-первых, тихий ход, а это в Улье едва ли не основное требование к транспорту, если катаешься сам по себе, а не в сопровождении танковой колонны. Чем тише работает двигатель, тем меньше мы соберём заражённых. Во-вторых, движок электрический, из-за этого не потребуется топливо, при помощи своего Дара я смогу заряжать аккумуляторы. В-третьих – это тягач. Мы сможем к нему прицепить хоть фургон, хоть самодельную боевую платформу. Машина мощная, много чего сможет тащить.

Вождь едва заметно улыбнулся уголками губ и подначил меня вопросом:

– А в-четвертых?

– Сможем погрузить на неё всех и отвезти в Зимний за один раз.

Мой собеседник задумался, после чего выдал:

– Так, может, нам просто догнать его?

– Полагаешь, он ещё не уехал далеко? – вопросом на вопрос ответил я.

– Крестный, как бы ты себя повел на его месте? – улыбнулся Вождь, – Вот ты водитель, обычный дальнобойщик, выехал поутру в маршрут... Всё, как всегда, и вдруг навигатор не работает, труба не ловит сеть, радиостанция не ловит

рабочую волну, бумажные карты врут. Короче, ты заблудился, и неясно, куда дальше ехать. Какие твои действия?

Я пожал плечами:

– Наверное, я бы остановился... Или попытался вернуться, но ты упускаешь, что это Улей. Его вполне могли уже сожрать.

– Давай исходить из того, что машина в пригодном состоянии. Даже если есть несколько царапин, так ты всё равно хотел его доводить до ума. Водитель нам же не нужен. Так?

Творить беспредел и обижать свежаков не хотелось, но отрицать правоту крестника было глупо. Оставалось надеяться на нашу удачу.

Мы вернулись на дорогу, по которой вошли в город по утренним сумеркам. И действительно вскоре увидели тот самый красный грузовик. Не веря в удачу, приблизились к нему, и я, достав пистолет, постучал им в дверь. Закономерно, в окне показался всклокоченный мужик.

– По голове себе! ... Постучи! ... Железкой своей! ... – экспрессивно посоветовал он по-русски, – Чего надо?

Я улыбнулся ему. Мужик вздрогнул и отпрянул. Проняло. Да и как не пронять? Улыбка кваза мало кого оставит равнодушным. Для усиления произведённого эффекта достал из-за спины пистолет и направил его на водителя.

– Я рыбу везу, – засуетился он, – У меня холодильник. Деньги только личные в кошельке и на карте. Всё отдам. Не убивайте.

– Открыл дверь, – с нажимом приказал я, – И пересел.

Водитель подчинился. Через десять секунд я уже сидел за рулём на его месте.

С обратной стороны забрался Вождь.

– Мужики, что происходит? – задал вопрос перепуганный водила, – Вы кто такие?

– Извини, что так резко начали общение, – ответил я, – Мы – рейдеры. Происходит то, что нам нужен твой грузовик. Мы его реквизируем, а взамен предлагаем бесценную информацию о том, что творится вокруг тебя сейчас.

– Я не согласен, – слабо запротестовал водитель, – Нечестный и неравноценный обмен.

– У тебя нет выбора, – подмигнул я ему и расплылся в улыбке, – Машина принадлежит тебе?

– Нет, что я, буржуй какой, что ли? – обиделся водитель, – Совхозный транспорт...

Приборная панель передо мной больше бы подошла космическому кораблю, чем грузовику дальнобоя. На секунду я даже пожалел, что купился на это чудо техники.

– Совхозный?

Я посмотрел на водилу. Крепкий, невысокий, чернявый, в майке-тельняшке, на плече татуировка с парашютом.

– Угу...

– Так чего ты переживаешь так? – усмехнулся я, – За то, что пистолетом пугали – извини. Сам понимать должен, добрым словом и пистолетом быстрее результат появится, чем

просто добрым словом. Тебе мы ничего не сделаем. Машиной только воспользуемся.

– Распереживаешься, пожалуй, когда в нос пушкой тыкают! – недовольно хмыкнул он, – Утром выехал, а дороги нет. Верней есть, но не та, что вчера была! Зачем вам моя машина?

– Раненых нужно срочно вывезти... Как завести?

– Раненых? – охренел водила, – Дай я сам!

Оживившийся мужик перебрался на место за баранкой.

– Показывай, куда ехать надо.

И мы, наконец, поехали. Вождь собрал автоматы и задремал. Явно не был он никаким репортёром, как заявлял. Потому как заснул почти моментально, но, словно старый кот, контролировал окружающую обстановку, просыпаясь при любом непонятном звуке.

С водителем мы познакомились. Звали его Филипп.

Фил, как обычно, проснулся утром и поехал на своём рефрижераторе собирать по рыбным хозяйствам улов со всего острова Кадьяк. Маршрут привычный, знакомый, как свои пять пальцев. Тумана он не видел, но слышал какие-то раскаты грома. Однако в его тягаче «Зубр», производства Минского Автомобильного Завода, никакие бури не страшны, так что это его несколько не обеспокоило.

Что интересно, в этой реальности Аляска не была продана Российской Империей, и сейчас остров Кадьяк являлся территорией Союза Советских Социалистических Республик.

Естественно, что никаких «Зубров» в моей реальности не было, как и Советской Республики Аляска, поэтому выслушал я Фила с академическим интересом.

В свою очередь он осторожно расспросил меня о том, что происходит, и почему я такой урод. Мои ответы ему не понравились, но, когда пара глотков живуна сняли головную боль и дурноту, вроде успокоился, но всё равно до конца мне не поверил. Увы...

Фил, несмотря на принятую дозу живуна, на глазах начинал заговариваться. Голос водителя всё сильнее грубел, словно тот подхватил простуду. Движения его постепенно начинали становиться всё более и более несогласованными и нескоординированными. Он раздражался на каждую мелочь, внимательность напротив уменьшалась. Водила то дело уходил в себя. Всё это были первые ласточки общих признаков заражения. В таком состоянии он может проходить от нескольких минут до недели, но итог будет один – человек переродится кровожадной тварью, желающей только тёплого свежего мяса других людей. Последние часы жизни Фила в облике разумного существа истекают. Если конечно не случится чудо, и у нас не появится белая жемчужина. Это средство способно сделать потенциального заражённого иммунным, но откуда... ? Откуда нам здесь взять полулегендарную белку, добываемую из редкой и опасной твари, даже имя которой под запретом? Правильно. Неоткуда нам её взять, а потому славный парень Фил рано или поздно заурчит. Как и

остальные девяносто процентов перенёсшихся в Улей людей.

– Эй? – прикрикнул водитель.

Я понял, что он мне:

– Чё?

– «Чё» – по-китайски «попа», – усмехнулся он, – Дорога закончилась... Заблудились? Куда дальше, спрашиваю?

– Прямо, Фил, – ответил я, – Держись направления.

– По бездорожью?

– Ага...

Он пожал плечами и съехал с грунтовки. Электротягач «Зубр» уверенно тянул на низких оборотах в условиях полного отсутствия дороги. Увы, с Филом ничего не вышло, так, может, хоть детище мрачного белорусского гения, которым он управляет, нам службу сослужит...

На обратном пути не встретилось ни одного заражённого. Это было и хорошо – мы не отвлекались от обратного пути к нашим, и плохо – запас споранов не пополнялся.

Ближе к обеду мы увидели «наших». Зрелище было откровенно жалким. Два десятка тяжело раненых брели, ни на что не надеясь, в указанном мной направлении. Их количество изрядно сократилось. Вместо двух с небольшим десятков я насчитал всего девятнадцать.

Рефрижератор, прицепленный к «Зубру» и оказавшийся пустым, выключили и помогли погрузиться в него измученным раненым. Однако обратный путь прошёл уже без компании Фила.

Пока мы с Вождём грузили раненых, со стороны кабины прозвучало первое, пока ещё неуверенное, но отлично знакомое любому иммунному в улье захлёбывающееся урчание, исполненное словно бы на вдохе. Я выругался и с шелестом вытащил нож. Мой жест остановил Вождя.

– Не надо, – покачал он головой, – Я сам его исполню...

Я благодарно кивнул и влил живун в пересохшие губы раненому чернокожему американскому мужичку.

Спустя двадцать минут «Зубр» уже вёз нас назад в Алюриик.

14. Топтун

На обратном пути Северо-Восток показал себя во всей красе. Небо заволокли тучи и зарядил пусть мелкий, но непрерывный дождь. Из-за этого тундровые мхи размокли, а тяжёлый тягач хоть и с пустым, но всё равно имеющим вес рефрижератором полз на низких оборотах.

Я несколько раз уже усомнился в своём решении завладеть этим чудом техники, но, несмотря на сомнения, «Зубр» ни разу не «сел», хотя мы и ободрали на бездорожье все защитные надколёсные арки, продолжая исполнять своё глобальное назначение. А какое оно у автомобиля? Правильно! Доставить человека из точки «А» в точку «Б».

Вождь, сидевший рядом на пассажирском сидении, молча посматривал на небо и хмурился. Кроме него в кабину взял ещё одного мужчину из числа раненых, уверенно державшего автомат. Ему осколком оторвало четыре пальца на ноге. Откликался он на имя Саня, и было ему хорошо за пятьдесят, но был он физически крепок и смотрелся на фоне остальных лишенцев если не орлом, то точно коршуном в курятнике.

Оказалось, он из наших, перебравшихся за границу. Служил пожарным, пока не вышел на пенсию. Отличала его полностью лысая голова и бородка «эспаньолка». Что также было признаком свежака – тут народ все больше ходит либо

заросшим до бровей диким волосом, либо выбритыми. Нет времени поддерживать всякие там изыски, не до того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.